

КРИСТИН ДУАЙЕР

*«Душераздирающая,
болезненно романтическая
и глубоко человеческая книга».*

— Стефани Гарбер, автор
бестселлера «Караваль»

ОШИБКИ, КОТОРЫЕ МЫ СОВЕРШИЛИ

Кристин Дуайер
Ошибки, которые
мы совершили
Серия «Young Adult. Нежный возраст»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596023

Ошибки, которые мы совершили:

ISBN 978-5-04-191788-3

Аннотация

«Ошибки, которые мы совершили» – трогательный, глубокий, пронзительный роман о первой любви, поисках дома и надежде на лучшее будущее.

У восемнадцатилетней Эллис было трудное детство. Отец отбывал срок в тюрьме, а мать страдала алкоголизмом и закатывала истерики. К счастью, Эллис встретила Истона Олбри, и он и его братья стали для нее семьей.

Они были неразлучны, но неожиданно в их судьбах случился резкий поворот. Одно поспешное решение перевернуло всю их жизнь, и отношения испортились. Эллис пришлось переехать на другой конец страны, подальше от всего, что было ей дорого.

Спустя год мама Истона приглашает ее в гости на день рождения. Сначала Эллис отказывается, но потом решает приехать. Несмотря на боль и предательство, она все еще хочет

увидеть своего лучшего друга, которого никогда не переставала любить.

Для поклонников творчества Сары Дессен, Джона Грина, Адама Сильверы и Кейси Уэст.

«Душераздирающая, болезненно романтическая и глубоко человеческая книга». – *Стефани Гарбер, автор серии бестселлеров «Караваль»*

«Роман, в котором чувствуешь себя как дома. Герои настолько реалистичны, что кажется, будто вы знакомы всю жизнь. Эта история непременно западет вам в душу». – *Дженна Эванс Уэлч, автор бестселлеров по версии New York Times «Любовь и мороженое»*

«Великолепное размышление о разбитых мечтах и попытках загладить вину, обретении семьи и верности, а еще о том, что значит пожертвовать всем ради людей, которых мы любим сильнее всего. Дебютный роман Дуайер полон надежды и любви посреди тревоги тоски, сердечной боли и горькой сладости взросления. Он нежен и романтичен, чувственен и искренен, без единой капли пошлости». – *Эшли Вудфолк, знаменитый автор романа «Когда ты была всем»*

Содержание

1	6
2	19
3	29
4	42
5	57
6	67
7	78
8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Кристин Дуайер

Ошибки, которые мы совершили

Kristin Dwyer SOME MISTAKES WERE MADE

Copyright © 2022 by Kristin Dwyer

Published by arrangement with HarperCollins

Children's Books, a division of HarperCollins Publishers.

© Иванова В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дэвиду, который всегда думает обо мне.

*И совершенно точно не Эдриенн Янг, которая
сказала, что купит шестьсот копий этой книги,
если я посвящу ее ей, и сожжет их. Эта книга
целиком и полностью посвящена не тебе*

1

Я думаю о нем. Снова. В это самое мгновение, в котором ему нет места. Там, куда его не приглашали. И мне приходится быть осторожной, потому что воспоминания подобны дождю: сначала одна безобидная капелька падает на мой разум, затем другая, а потом я вдруг оказываюсь под ливнем.

Верх академической шапочки, что я держу в руке, совершенно пуст. Темно-зеленый атлас покрывает головной убор без единого украшения – в отличие от других шапочек, принадлежащих остальным выпускникам из моего класса. Ничего, что характеризовало бы человека, который ее носит. Ничего о ее владельце.

Был бы верх моей академической шапочки так же пуст, будь здесь он? Я гоню от себя эту мысль и глубоко вздыхаю, освобождая проход. Группа однокурсников протискивается мимо меня на огромном стадионе, а я стою у них на пути. Поднимаю глаза к голубому небу, уже начинающему розоветь.

Закаты здесь кажутся не такими, как на Среднем Западе, – ярче, словно свет по-настоящему золотой.

– *О боже*, – произносит одна из девушек с мелодичным калифорнийским акцентом. Здесь говорят по-другому. Как бы мне хотелось оказаться сейчас дома! Как бы мне хотелось...

На другой стороне покрытого зеленой травой поля я вижу Такера Олбри. *Он* не тот, кого мне так не хватает. Парень явно направляется ко мне. Глаза его скрыты за солнечными очками, а светлые волосы растрепаны после занятий серфингом. Такер выглядит так, будто он здесь родился. Руки засунуты в карманы идеально сидящих джинсов, последние пуговицы рубашки расстегнуты, приоткрывая треугольник загорелой груди. Он прекрасен безо всяких усилий, будто он родом не из того же городка на равнине в Индиане, где мы оба выросли, а его дом – Южная Калифорния.

Это не так. Такер улыбается и подмигивает группе девушек, что проходят мимо него. Они хихикают, и одна из них оглядывается через плечо, а я уже не в первый раз испытываю чувство благодарности к Такеру за то, что со мной он не флиртует. Улыбка Такера – мощное оружие. Таковы все братья Олбри.

Мой взгляд выражает суровость, хотя на самом деле это не так. Я так смотрю с детства: что-то среднее между искренностью и нахальством.

- Что? – Такер беззаботно пожимает плечами.
- Мой выпускной не место для твоего флирта.
- Эллис Трумэн, – он прикладывает к сердцу загорелую руку, – когда, если не сейчас? Кто, если не я?

Я закатываю глаза.

- Поищи следующую жертву в другом месте.
- Я оскорблен твоими словами! – Его рука ложится мне

на плечи, и я испытываю глубокое чувство облегчения, что он здесь. По крайней мере, Такер со мной. Я сотни раз представляла себе этот день, но ни разу именно таким. Я благодарна, что хотя бы что-то пережило прошлый год. И это Такер.

Он достает телефон.

– Покажи нам свой сертификат «Об окончании страданий средней школы».

Я показываю.

– Не у себя перед лицом, глупая.

Я со вздохом опускаю диплом пониже, чтобы камера сняла и меня. Темные волосы, не выющиеся и не прямые, веснушки, которым, кажется, теперь не суждено сойти из-за бесконечного местного лета, блеклые голубые глаза.

Мне не хочется улыбаться. В нескольких метрах от нас стоит группа сияющих загорелых блондинок, лощеных и безупречных.

– А теперь, – говорит Такер, – тебе осталось только сделать вид, что ты слегка рада.

Я широко улыбаюсь и приоткрываю рот, будто говорю: «Ура! Я свободна!»

Такер снимает фото и опускает руку, ворча:

– С тобой ужасно сложно... Ты знаешь, что девушкам обычно нравится фотографироваться с горячими парнями?

Я смеюсь. Такер не горячий парень. Уж точно не для меня. Он мне почти как брат, лучший и единственный друг в Сан-

Диего.

Я не успеваю ответить – меня кто-то обнимает.

– Ты это сделала!

Я напрягаюсь всем телом, когда тетя Кортни громко чмокает меня в щеку. Увидев оставленный ее помадой след, она со смущенной улыбкой пытается его стереть.

– Прости, – бормочет она. Рядом со мной она всегда где-то между слишком дружелюбной и слишком беспокоящейся.

Я пытаюсь быть благодарной за то, что она сделала для меня в этом году. Но не могу перестать думать о том, что потеряла, приехав в Калифорнию.

Убрав за ухо прядь каштановых волос, тетя прокашливается.

– Теперь ты *выпускница*. – Ее слова звучат по-доброму, но робко. – Как ощущения?

Как и относительно всего остального – все неправильно.

Но она ждет не такого ответа. Я приподнимаю уголки губ.

– Все отлично, наверное.

Ее улыбка чуть тускнеет, когда она смотрит на кисточку моей шапочки. Я рассеянно перебираю пальцами оранжевые и белые синтетические нити. Мне не нравятся эти цвета, потому что они не те. Вместо них должны быть голубой и серебряный школы «Сильван-Лейк-Хай».

– Ты сможешь повесить ее на зеркало заднего вида, когда у тебя появится машина. – Тетя смотрит на меня, поправляя очки на носу. – А может, ребята так больше не делают.

Как будто я знаю, как делают ребята. Она, похоже, упустила тот факт, что у меня тут нет друзей.

Такер издает стон, закидывая руку мне на плечо.

– Никуда не вешай эту отвратительную кисточку. – Он хватывает у меня шапочку и поднимает ее. Темно-зеленая ткань переливается на солнце. – Но я бы все равно разукрасил эту дурацкую шапку. Диксон в прошлом году маркером нарисовал на моей пенис.

– Такер, – произносит тетя, притворяясь возмущенной.

– По правде говоря, я нарисовал ему сзади на мантии женские груди, когда он выпускался. И он так и проходил с ними всю церемонию.

У меня в голове вспыхивают воспоминания. Чуть позже тем вечером Диксон швырнул Такера в озеро и оставил сияк под глазом. Я почти чувствую запах летней травы, вспоминая кое-что еще.

Истон под темнеющим небом. Взгляд вверх на звезды. Ноги, опущенные с пирса в воду. Кожа так близко к моей, что я чувствую ее жар.

Воспоминания накрывают меня дождем, и я закрываю глаза. Слишком солнечно для всего этого.

– Ты пойдешь на выпускную вечеринку? – Тетя Кортни спрашивала меня уже пять раз, как будто мой ответ от этого изменится. – Тот парень говорил, что-то будет на пляже?

– Парень? – Такер наклоняется к нам. – Симпатичный?

Мягко кладу ладонь ему на лицо и отталкиваю.

– Не собираюсь идти ни на какую вечеринку. Я даже не знаю этих людей.

Красные губы тети сжимаются в тонкую линию.

– Ты занят, Так? – спрашиваю я. – Мы могли бы сходить на пляж. – Пытливый взгляд тети заставляет меня добавить: – Другой пляж.

Я слышу в его голосе неуверенность, когда он отвечает:

– Конечно.

Он лжет насчет того, что у него нет планов. Такеру всегда есть куда пойти.

У меня жужжит телефон. «@duckertucker отметил вас на фотографии». Открываю уведомление и вижу нас обоих, улыбающихся на фоне синего неба. У меня в руке диплом, а на плечах мантия, зеленый цвет которой мне совершенно не к лицу. Но я кажусь счастливой. Очередное подтверждение, что социальные сети – ложь.

Три дня назад моя новостная лента пестрела такими же фотографиями из моей прежней школы в Индиане. На снимках – мои бывшие одноклассники с улыбками и в голубых мантиях. Почему этого нет у меня? Эти фотографии должны были принадлежать мне.

– Ужин? – спрашивает тетя Кортни.

Я представляю, как сижу напротив тети в каком-нибудь сетевом ресторане, мы едим, и она пытается расспросить меня о том, о чем, по ее мнению, должен спрашивать взрослый, родитель. Но она мне не мать, а всего лишь младшая сестра

отца, которой не повезло остаться единственным достаточно надежным взрослым, чтобы взять меня под опеку. До этого года я видела ее только на Рождество. Тетя, которую ты видишь раз в год, не тот человек, с которым хочется отмечать одну из самых памятных дат своей жизни.

– Я не настолько голодна.

– О, – улыбка сходит с лица тети, но быстро возвращается. Как и мое чувство вины. – Деньги нужны?

– У меня есть, – отвечаю я. Это еще одно, что я не позволяю ей делать.

– Ладно. Вернешься не слишком поздно? – спрашивает она, но в этом «не слишком поздно» нет никакого смысла. Я ни разу не приходила позже десяти, после того как переехала к ней.

Такер продолжает набирать сообщения в телефоне, и мне становится интересно, с кем он переписывается. Я подавляю любопытство, потому что оно слишком напоминает надежду.

– Эй! – Я толкаю его бедром, и он поднимает взгляд, на мгновение смутившись.

– Прости, – он извиняется и сует телефон в карман, – я просто писал...

Мне так хочется задать вопрос, он уже вертится на кончике языка. Это могли быть просто слова. Но я боюсь, что в них проявится нечто большее, чем вопрос.

Своей маме? Своей семье? Истону?

Глаза Такера меняются. В них появляется жалость, и я сглатываю досаду. Я всегда вызываю сочувствие, но получить его от Такера — это невыносимо. Он должен видеть меня иначе. Он должен понимать.

— Пляж?

Я глубоко вздыхаю.

— Да.

Это всего в двух кварталах отсюда, потому что в пляжном городке Сан-Диего все неподалеку. Тетя Кортни машет нам на прощание и уходит на парковку, а я игнорирую собственное чувство облегчения. Как же паршиво испытывать его по отношению к человеку, который всегда так добр ко мне.

Я шагаю навстречу волнам, а Такер подходит к фургончику, где продают буррито. Тихий океан так шумит, что вокруг почти тихо. Тишина, в которой ты оказываешься, подобна туману, в какой-то момент ты перестаешь в нее вслушиваться и начинаешь чувствовать. Я зарываю ноги в песок и смотрю, как солнце погружается в черную воду.

Такер бросает на песок между нами коричневый пакет с чипсами, и я опускаюсь рядом с ним. Он протягивает мне буррито.

— Аль пастор¹, без риса, без бобов, потому что ты невыносима.

Я обшариваю пакет.

¹ Al pastor (исп.) — «по-пастушьи». Начинка из свинины, замаринованной в специях и приготовленной на вертеле (Здесь и далее прим. пер.).

– А где зеленый соус? – спрашиваю я.

– Сказали, закончился.

Я смотрю на него.

– Ты знаешь, что у тебя голос становится выше, когда ты врешь?

Он насмешливым тоном подражает моему голосу:

– Спасибо за буррито, Такер. Ты лучше всех. Спасибо, что бросил все, чтобы погулять. Схожу за зеленым соусом сама, я же не трусиха.

У меня вырывается стон. Как будто соус – это сейчас самое важное и я без него умру.

– Ты знаешь, что продавщица меня ненавидит. А тебе всегда дает зеленый соус с добавкой.

– Как драматично, – бормочет он, разворачивая фольгу, – ничего не могу поделать с тем, что Марии нравится все красивое.

Мы поднимаем буррито, и Такер делает снимок на фоне волн. Он подписывает его как «Праздничные буррито с моей девочкой». Я откусываю край лепешки и смотрю на горизонт. До нас доносятся крики людей, играющих в воде. Море уже начало выползать на берег.

Доев, Такер откидывается назад, опираясь на локти, и смотрит на закат.

– Ну, что дальше?

Он спрашивает не про сегодняшний вечер и не про завтрашний день. Он спрашивает о том, чем я собираюсь за-

няться теперь, когда я окончила школу. Теперь, когда мне восемнадцать. Теперь, когда я свободна.

Я провела весь последний год жизни в ожидании. Ожидании, когда наконец сделаю выдох, что сдерживала с последнего лета. Ожидании, когда забуду обо всем том, чего у меня нет. Ожидании, когда забуду о *нем*.

Мы с Истоном собирались попутешествовать, закончив старшую школу. И только после того как мир проникнет в нас до самых костей, а мы разбросаем по нему частички себя, мы пошли бы в колледж. Вместе.

Но вместо участия в празднике полной луны в Таиланде и планирования лучших способов потеряться в Праге я провела выпускной год, пытаюсь разобраться, кто я, когда все это исчезло.

Без Истона.

– Калифорнийский университет в Сан-Диего. – Мой ответ звучит как набор слов, но мне хочется, чтобы в нем слышался оптимизм. В колледже я могу решить, кем хочу быть. – Летом буду работать, а осенью пойду учиться.

– И это все? – спрашивает он.

Я набираю пригоршню песка и выпускаю его струйкой.

– Наверное.

Такер задумчиво мычит.

– Она тобой гордится, – я не спрашиваю, кого он имеет в виду. К чему тратить наше время – он говорит о своей маме. – Она хотела бы быть здесь.

Естественно, она хотела, но у нее нет такого права. Я еще глубже погружаю ноги в песок.

– Да мне как-то все равно.

Такер смеется, но невесело.

– Ты худшая из всех лгунов.

Я чувствую необходимость оправдаться перед ним, что уже само по себе раздражает.

– Я сделала все, как она просила. Переехала в Калифорнию. Окончила старшую школу. Поступила в колледж. Она хотела быть здесь ради нее самой. Потому что все получилось именно так, как хотела *она*.

Но я не уверена, что все получилось так, как хотела я.

– Эллис, я знаю, ты сама в это не веришь, и только поэтому я сейчас не закапываю твое мертвое тело в песок. Моя мама тебя любит. И всегда любила.

Может, когда-то и любила. Вероятно, было время, когда Сэндри Олбри любила меня как свою дочь, но так давно.

– Ты сказал ей про Калифорнийский университет в Сан-Диего? – спрашиваю я.

Он открывает рот, чтобы ответить. Закрывает. Снова открывает.

– Думаю, об этом она должна услышать от тебя, так ведь?

Он прав, и эта мысль меня раздражает. Я хочу рассказать Сэндри. Хочу увидеть, как на ее лице отразится гордость, даже если это лишит меня моей собственной, потому что в глубине души я все время надеялась: мои достижения озна-

чают, что я заслужила право вернуться домой. Думала, если я буду достаточно хорошей, достаточно тихой, достаточно послушной, то меня сочтут достойной прощения.

И теперь, пожелав Такеру доброй ночи, умывшись и довольно рано отправившись в постель, я лежу и трачу бессонные мысли на то, как расскажу ей о Калифорнийском университете. Но, если честно, сейчас меня больше беспокоит не она... а он.

Меня беспокоит, что Истон узнает. Будет ли ему больно? Или все равно, что я поступила? Неважно! Он больше не является частью моего плана.

Теперь, когда меня ничего не отвлекает, я ощущаю вес пустоты. Она оплетает меня подобно веревке и режет до крови. Я открываю страницу Истона в социальной сети – привычка, от которой мне, кажется, никогда не избавиться.

Он. Друзья. Улыбки. Сара. У Истона Олбри все отлично.

Он окончил старшую школу в окружении своей семьи. Дома ему устроили большую вечеринку. Он получил все то, что бывает у учеников, когда они прощаются со старшей школой. Из меня словно прорывается поток, и я делаю то, что не должна: звоню ему.

Пальцы набирают номер, который я запомнила в тот же день, как он у него появился, но свой блокирую. Многие не принимают звонки с незнакомых номеров, но Истон берет трубку – каждый раз.

Я задерживаю дыхание и жду, когда мне ответят.

– Алло? – Голос такой, каким я его помню: глубокий и слегка сиплый, словно Истон подавляет в себе чувства.

Я ничего не говорю.

А потом... потом слушаю его дыхание на другом конце линии. На другом конце страны.

Мне так много хочется ему рассказать. О выпускном, об отце, о его маме, о Такере, о пляжах Калифорнии. Мне хочется услышать звуки, которые он станет издавать, притворяясь, будто слушает меня.

Мне хочется узнать, так ли легко ему удалось вырезать меня из жизни, как это выглядело со стороны. Но чего мне хочется больше всего – так это услышать, как он произнесет мое имя. Всего один раз! Но он не произносит, он молчит. Он просто там, он дышит. Вдох и выдох – тихо и размеренно.

Истон – привычка, от которой я не могу избавиться. Чувство, которое не в силах отпустить. Правда, в которой я признаюсь лишь в моменты большой слабости. И именно я первой кладу трубку.

Но лишь после того, как скатывается моя последняя слеза.

Одиннадцать лет

Каждый раз, когда я оказывалась на заднем сиденье полицейской машины, рядом был Истон Олбри.

Лето пришло в наш городок довольно рано, лишив ночной воздух весенней мягкости. Такой вид зноя можно изгнать только изнутри. Я накопила достаточно денег с диванных подушек и выскребла мелочь из карманов отца, чтобы купить в магазине «Айси»².

Мои голые ноги свисали с края школьной крыши, а внизу, под моими туфлями, двигался мир. Я почти чувствовала, как напиток окрашивает мои зубы и язык в ярко-голубой цвет, и прижимала стакан к шее.

На тротуаре стоял Истон и смотрел на меня, задумчиво склонив голову набок. Его каштановые волосы взъерошил ветерок, но в них все равно просматривалась стильная стрижка, а темные глаза на свету казались почти черными. Мне хотелось отвести взгляд, но с этого места можно глазеть, не таясь. Да и все равно, это же он начал.

Глядя на Истона, я словно смотрела в кривое зеркало, показывающее все наоборот. Он жесткий – я мягкая. У него

² Замороженный газированный напиток.

широкая улыбка, которая так нравится взрослым, а со мной взрослые никогда не знали, что делать. Его одежда не была изорванной и грязной...

– Как ты туда забралась? – крикнул он.

Я потягивала напиток через трубочку, раздумывая, что ему ответить.

– Залезла, – глупый ответ, но я не знала, как говорить с Истоном. Мы за всю жизнь едва перекинулись парой слов, хоть и учились в одном классе.

Он чуть прищурил глаза.

– Ты хорошо лазаешь?

Я не знала наверняка, почему он об этом спрашивает, но догадывалась. Всего месяц назад я стояла в отделе сладостей продуктового магазина и раздумывала, не украсть ли мне чего. Упаковки так похожи на завернутые подарки под рождественской елкой – яркие и блестящие, обещающие сладость внутри. То, что мне недоступно.

У всех ланчи всегда лучше, чем у меня. Еда в домах тоже лучше. И перекусы. Они могли позволить себе сладости, похожие на подарки. Я тоже их заслуживала.

Когда я протянула руку, чтобы схватить шоколадку, мой взгляд привлекло какое-то движение. У полок с продуктами стоял Истон в теплом пальто и с любопытством на лице. Его темные глаза, казалось, прочитали мои мысли. Как будто он знал, что у меня нет денег, чтобы заплатить за шоколад. Мелькнула мысль: взять ее, посмотреть на реакцию од-

ноклассника, увидеть шок у него на лице. И тут я задумалась, кем это сделает *меня*. Воровкой!

С того дня я избегала Истона. Стеснялась и боялась, что он видит девочку в магазине, захотевшую взять то, за что не могла заплатить.

Когда Истон Олбри спросил, хорошо ли я лазаю, надо было ответить: «Нет». Проигнорировать его и сидеть на крыше, пока не закончится «Айси» и не опустится ночная прохлада. Но вместо этого я ответила: «Да».

Что-то в том, как смотрел на меня Истон, такой уверенный в себе уже в одиннадцать лет, заставило меня согласиться с чем угодно, о чем бы он ни спросил. И когда он сказал, что ему нужна моя помощь, то не справилась с тем, как мое сердце отозвалось на его слова.

Я спустилась с крыши и встретила с Истоном возле школы. На втором этаже было приоткрыто окно кабинета, где директор хранил взятые в заложники комиксы. Их украли у Истона. Его обидели. Нельзя попасть в беду, вернув то, что тебе же и принадлежит.

Я ему поверила. Так что, когда я слышала, как на нас кто-то кричит, а Истон велит мне бежать, то могла бы, наверное, бежать и побыстрее.

Но Истон не бросил меня, когда я ударилась об забор, через который мы перепрыгивали. Нас поймал офицер Томас, запыхавшийся и раздосадованный тем, что ему пришлось за нами гнаться, и тогда Истон попытался взять вину на себя.

– Это я попросил ее залезть, она не виновата. – Он стоял впереди, закрывая меня собой от взгляда офицера Томаса. От его одежды пахло средством из прачечной. Мне хотелось так и остаться стоять, прячась за ним.

– Ист, ты же знаешь, я не могу вас отпустить.

Ист, не Истон, как будто они знакомы.

Плечи Истона сдвинулись под футболкой, он наклонился вперед.

– Это *мой* комикс.

В тот вечер мы оба оказались на заднем сиденье полицейской машины. Поехали домой на жестких пластиковых сиденьях, не прощающих ошибок. И я знала, что стала тем, кем так не хотела стать. *Воровкой!*

Истон пристально смотрел на меня в темноте, нахмурившись.

– Не бойся, – сказал он, – он просто позвонит нашим родителям и отвезет домой.

Именно этого я и боялась – что Истон увидит мой дом, машины, припаркованные на шлакоблоках, заросший задний двор, облупившуюся краску.

Я повернула голову к окну и уставилась на огни, окрашивающие нашу школу калейдоскопом синего и красного.

Истон не сводил глаз с моего лица.

– А ты и вправду в этом хороша.

– В чем? – спросила я, и без того зная, о чем он говорит: о воровстве.

– Лазаешь хорошо, – он прикусил губу. Его веснушки стали темнее в тусклом свете.

Уголки моих губ едва заметно дернулись вверх. Я показала ему длинный шрам на коленке.

– От забора на пастбище Уилсонов, – потом следующий, на правой голени: – Перепрыгнула через ворота гоночной трассы.

– А этот? – спросил он, указав на длинную тонкую отметину у меня на руке.

Я ответила не сразу.

– Залезла на крышу «Уолмарта».

Он прищурился, вероятно, почувствовав ложь, но не стал меня ловить на этом. Пусть так, чем рассказывать о случае, когда мне пришлось забираться в собственный дом, потому что мать про меня забыла.

Открылась водительская дверь, и на кресло впереди с раздраженным видом опустился офицер Томас.

– Так, я не смог связаться с твоими родителями, Эллис, но с твоей мамой, Истон, я поговорил. У тебя проблемы. Снова. Снова?

Офицер Томас завел машину и глубоко вздохнул, словно был совершенно измотан. Школа находилась всего в паре кварталов от дома Олбри, и мы поехали в гнетущем молчании.

Дом Истона казался ярким даже в темноте. Белое крыльцо под огромными окнами без занавесок – люди внутри двига-

лись, наслаждаясь жизнью, которую я могла видеть лишь на фотографиях. Желтая краска казалась веселой, а под крыльцом цвели огромные кусты гардений. Шины закрипели по гравию, и машина остановилась.

В окне сбоку от двери появилась голова со светлыми кудрями – Такер Олбри. Он учился всего на класс впереди меня и Истона, но казался намного старше. Я слышала, как взрослые называют его акселератом, но не особо понимала, что это значит. Такер исчез, и я наблюдала через окно, как мама Истона отошла от стола с упертыми в бедра руками и глазами, наполненными огнем.

Когда распахнулась передняя дверь, Истон застонал, потому что на подъездную дорожку вышла вся его семья. Я невольно отпрянула, когда к окну подскочили двое мальчишек. Они глазели на заднее сиденье так, словно мы были зверьками в зоопарке.

– Сэндри! Бен! – поздоровался с мистером и миссис Олбри офицер Томас. – Я привез вашего правонарушителя, – он произнес эти слова шутливым тоном. – Мне надо еще отвезти домой девочку Трумэнов.

Миссис Олбри бросила быстрый взгляд на машину.

– Эллис? Дочку Тру? – Мама Истона произнесла мое имя так, будто что-то знала обо мне. – Я и не поняла, что Ист был с ней.

Офицер Томас кивнул, а потом простонал:

– Она лазает, как паук.

– Ты позвонил Тру? – Она скрестила руки на груди, словно поежившись от холода, несмотря на жару.

– Не смог дозвониться.

Прищурившись, миссис Олбри посмотрела на сына, потом на меня. Даже при свете луны она была красива в совершенно иной манере, чем моя мать.

– Я могу позаботиться о том, чтобы она добралась до дома, Томми, – сказала миссис Олбри, положив ладонь ему на руку.

– Но я должен сам... – переминаясь с ноги на ногу, протянул офицер Томас.

– Ты хочешь разбираться с Тру? Тебе нужна эта головная боль?

Он пожевал губы, раздумывая над вариантами.

– Если я узнаю, что вы отвезли ее не домой...

– Честь скаута. – Она подняла три длинных пальца с идеальным маникюром.

Офицер одарил ее озадаченным взглядом:

– Ты не была скаутом, Сэндри.

К окну Истона подошел Диксон, старший из братьев Олдри. Он провел большим пальцем по горлу и свесил язык, словно мертвец, а потом его оттолкнул Такер. Диксон был больше, чем Такер, но все-таки пошатнулся. Такер обхватил ладонями лицо и прильнул к окну. Когда его глаза нашли мои, уголки губ медленно потянулись вверх.

К месту, где было лицо Такера, взлетел кулак Истона и

ударил в стекло. Лицо Такера исказилось от злости, и он шлепнул по месту, где сидел Истон. Диксон со смехом оттащил Такера назад, и двое принялись мутузить друг друга.

Открылась дверь с моей стороны, и офицер Томас поторопил меня выйти и встать перед взрослыми.

– Здравствуйте, миссис Олбри, – говоря это, я смотрела в землю.

Миссис Олбри тепло мне улыбнулась.

– Зови меня Сэндри.

Я нервно теребила старую футболку. Мать Истона должна была решить, что со мной делать: оставить на крыльце в ожидании родителей, которые за мной не приедут, или же отвезти в наш темный дом.

Оба варианта превращали значение ее улыбки в жалость.

– Ее зовут Эллис. – Позади меня Истон перелез через сиденье и вышел из машины.

– Элвис? – переспросил Диксон. Его лицо было почти точно таким же, как у брата, за исключением отразившегося на нем непонимания.

– Тихо, – оборвала его миссис Олбри.

– Эллис, – повторила я, пытаясь придать голосу уверенности.

Диксон с разочарованным лицом повернулся к Такеру:

– Мне больше нравится Элвис.

– Да не сомневаюсь, Дикси, – рассмеялся Такер, уворачиваясь от удара Диксона.

– Эллис, солнышко, ты хочешь есть? – спросила меня Сэн-дри.

Я хотела, но стеснялась в этом признаться. Кажется, она все поняла.

– Ты любишь пироги? У меня там есть немного.

– Все любят пироги, мам, – ответил за меня Диксон.

Вслед за семейством Олбри я поднялась на крыльцо и вошла в дом, где пахло лимонами и сахаром. Как только моя нога опустилась на пушистый голубой ковер, я словно очутилась в другом мире. У двери в светлом холле со столом, заваленным почтой, громоздились огромные ботинки. Через спинку светло-серого дивана перекинут мягкий белый вязаный плед. На письменном столе раскиданы школьные бумаги и книги. За островным столом на кухне мальчишки уже вгрызались в пирог, царапая вилками керамику. Я провела ладонью по прохладной мраморной столешнице и вспомнила сколотый ламинат у меня дома.

Миссис Олбри отогнала мальчиков от пирога и вздохнула.

– Ну как звери прямо, – едва слышно отругала она их. – Эллис, отрезать тебе кусочек?

Такер протянул мне вилку – проверка. Она повисла в воздухе в ожидании, когда я решу, каким человеком хочу здесь быть. Внутри дома с огромными ботинками и мягкими пледами.

Мои пальцы обхватили столовый прибор, и я откусила кусочек пирога. Магические чары над братьями рассеялись, и

они вернулись к еде, стуча металлом о металл в битве за кусочки фруктов или масляной корочки. На четвертой вилке я подняла взгляд на Истона, что не сводил с меня глаз. Его губы были плотно сжаты.

Я опустила вилку.

– А ты не такая, как я думал, Эллис Трумэн.

Я пожала плечами, но не смогла не отметить про себя, что Истон Олбри *думал* обо мне.

Между рассветом и закатом на самом деле нет особой разницы.

Небо раскрашивают одни и те же цвета. Тот же свет борется с темными небесами, истертыми и потускневшими. Проблема с небом в том, что иногда невозможно сказать, что начало, а что конец.

Мой фартук лежит на столе, весь в пятнах кофе и молока после смены, а я смотрю на письмо о предоставлении общежития от Калифорнийского университета. Я не могу сказать, закат сейчас или рассвет.

– Ты уже все?

Я подпрыгиваю, хотя голос мне знаком. Позади меня стоит Уилл, на груди у него значок с именем, а в руках тряпка.

– Ага, – отвечаю я, глядя на океан.

Он отодвигает стул рядом с моим и садится.

– Ты забыла чаевые, а еще я подумал, что ты не откажешься от кофе. – Уилл придвигает ко мне стопку однодолларовых купюр и бумажный стаканчик, на боку которого черным маркером нацарапано мое имя. Он всегда приносит мне кофе. – У меня такое ощущение, что я не видел тебя целую вечность. Как прошел выпускной? Как ты и ждала?

Его тирада звучит настолько странно, что я смотрю на него, думая, что он шутит, но, как и всегда, Уилл искренен.

Истон сказал бы, что он ужасно раздражает.

Я провожу ладонью по шее и приказываю себе перестать вспоминать Истона.

– Все прошло хорошо.

– Я видел фото. Ты отлично выглядела, – он не краснеет, произнеся это, и я спрашиваю себя, каково это – просто говорить такое. Без страха. – Моя семья закатила на мой выпускной большую вечеринку. Бабушка напилась, а мама рыдала. Это было вообще не то, чего я ждал.

– Правда? – спрашиваю я, по большей части потому, что вроде бы надо.

Он начинает рассказывать, и я смотрю, как двигаются его губы, с восторгом произнося слова. Его рука по привычке тянется к моему стакану, чтобы чуть подвинуть, и я представляю, как эти пальцы касаются меня, как его губы приближаются к моим и шепчут мое имя.

Я спрашиваю себя, смогла ли бы другая я, та, что никогда не встречала Истона, полюбить его? Уилл не бросил попытки даже после того, как сдались все остальные, кто пытался со мной подружиться. Он хороший, надежный и добрый.

Он заслуживает лучшего друга, чем я.

Уилл улыбается, и я понимаю, что меня застукали: я не слушала.

– Прости, – бормочу я, на самом деле не испытывая стыда.

Он с запинкой произносит:

– Я закончу через час. Не хочешь сходить куда-нибудь пе-

рекусить? Как насчет тако?

– У нее уже есть планы на ланч. И ей больше нравится буррито! – Я поворачиваюсь и вижу Такера, что стоит сзади и улыбается. Он в шортах, шлепанцах и футболке, из-под которой видны татуировки, покрывающие его руки.

– Такер, – с натянутой улыбкой здоровается Уилл.

Такер в знак приветствия приподнимает свой стакан с кофе и отодвигает еще один тяжелый металлический стул. Тот громко скрежещет по бетону, но Такер, не обращая на это внимания, усаживается.

Уилл сдвигает брови, глядя на Такера, с комфортом располагающегося рядом со мной, и понимает, что наш разговор подошел к концу.

– До завтра? – спрашивает он.

Я киваю, он встает и уходит на кухню.

– Ты разбиваешь этому парню сердце. – Такер задумчиво поворачивает голову, глядя, как тот уходит. – Он довольно милый, и у него всегда есть кофе. А могло быть и хуже.

– Как великодушно с твоей стороны, – невозмутимо отвечаю я. – Тебе что-то нужно?

Он хмурится, и мне становится еще более неловко, чем я могла себе представить.

– Я отправил тебе несколько сообщений.

Сообщения на моем телефоне копились, словно коллекция тревожных посланий в бутылках.

– Я была занята.

Он закатывает глаза, а потом выражение его лица снова становится серьезным. «Серьезный Такер» заставляет меня нервничать. Я видела его таким лишь несколько раз, например когда мы уезжали из Индианы в Калифорнию.

– Уже почти четвертое июля.

Что за абсурд, он и вправду думает, будто я и не подозревала о приближении этого дня?! Это не просто четвертое июля³, а день рождения Сэндри Олбри. Все собираются каждый год, чтобы устроить суперпраздник.

– Маме исполняется пятьдесят лет! – Такер проводит руками по столу.

Я молчу. Оставляю все то, что чувствую, при себе.

Он достает из заднего кармана белый конверт и подталакивает его ко мне по столу. Это выглядит так драматично, что я непременно поддразнила бы Такера, если бы не боялась того, что внутри.

– Подарок на выпускной от папы.

Мои крепко сжатые руки лежат на коленях.

– Что это?

– Ты и сама отлично знаешь – билеты на самолет домой.

– У меня работа. Я не могу просто взять и уехать.

– Ну конечно, ведь кто знает, что может случиться, если ты не станешь вытирать тут столы? – Его сарказм такой же преувеличенный, как и весь этот момент.

– Отвали, – огрызаюсь я, но дело не в его издевательских

³ День Независимости в США.

словах, а в том, что он просит меня сделать. – Все не так просто.

Такер проводит ладонью по лицу.

– Очень даже просто! – Он наклоняется ко мне и облизывает нижнюю губу, а потом прикусывает ее зубами. – Я не прошу многого, мне нужно, чтобы ты сделала только это. А потом можешь отправиться в Калифорнийский университет и забыть о нас.

Как будто я смогла бы забыть об Олбри. Как будто Истон исчезнет из моей головы. Но я пытаюсь спрятать обуревающие меня чувства и притвориться, что мне плевать на слова Такера.

– Эллис, ты меня слышишь? – повторяет Такер. – Мама устраивает большую вечеринку. Таковую, на которой все нарядные и произносят речи. Полгорода приглашено! – Он знает, что я его слышу. И просто ждет, когда я это признаю.

– Не знаю, хотят ли они на самом деле меня видеть.

Такер указывает на бумагу между нами:

– Ага, все выглядит так, словно они до сих пор не уверены. Может, тебе следует подождать, пока они предложат первый класс.

Такер пользуется моим молчанием, чтобы сфотографировать наши стаканы с кофе и билет, а потом выкладывает снимок в Сеть. Секунду спустя мне приходит уведомление, что меня отметили в посте с подписью «Строим планы», и я испепеляю Такера взглядом.

– За что ты меня так ненавидишь?

– Мне нужны доказательства, что разговор состоялся, чтобы прикрыть собственную задницу. – Он смотрит на меня с язвительной ухмылкой. – Кроме того, ты уже фактически согласилась.

Я стискиваю зубы.

– Я не еду.

От мысли, что я увижу всех, увижу его, у меня разрывается сердце, и я ненавижу Такера за такое предательство.

– Эллис, прошел целый год. Ты вообще не собираешься возвращаться? Не хочешь видеться ни с кем из дома?

– Я вижу тебя почти каждый день. И с осени мы будем учиться в одном колледже.

– Это не то же самое. – Такер откидывается на спинку стула и пристально смотрит на меня. Его длинные пальцы касаются татуировки на левой руке – нервная привычка, характерная и для его братьев. – Ты боишься?

Я смеюсь, но это пустой звук даже для моих ушей. Такеру всегда удастся добраться до тех сторон моей души, которые я пытаюсь скрыть. В моем ответе звучит отчаянная нужда, и я ненавижу себя за это.

– Они сказали, что я должна приехать?

– «Они»? – переспрашивает он. Такер хочет, чтобы я объяснилась, потому что считает: если я произнесу имя Истона вслух, это станет своего рода прорывом. – Эллис Трумэн, на билете на самолет стоит твое имя.

– На билете, который купил твой отец, – уточняю я.

– Я уже говорил тебе, мама просила тебя приехать домой на все большие и маленькие праздники, которые отмечают в Америке. Она хотела быть на твоём выпускном. Ты и правда думаешь, что мне сойдет с рук, если я не привезу тебя домой на её день рождения?

Я рассматриваю свои ногти. Выпускной – словно натянутый нерв между нами. «Эгоистка и нахалка» – так называл меня Такер, когда я сказала, что не хочу, чтобы его мама приезжала. Потребовалось несколько недель, чтобы наш обоюдный гнев утих. Тот факт, что он снова напомнил об этом, означает, что он решил: это стоит борьбы.

– Знаю, выглядит так, будто она хочет меня там видеть, но...

Такер открывает и закрывает рот. Потом снова открывает.

– Я размышляю о том, чтобы стукнуть тебя. Ты превращаешь меня в плохого человека.

Такер никогда не сделал бы мне больно.

– Я все ещё не знаю, как быть с работой.

Он смеривает меня взглядом, а потом проводит пальцем по стакану с кофе.

– Истон не приедет.

Я поднимаю голову – мне не удастся сдержаться. Как бы я ни старалась! Целый год попыток не обращать внимания на то, как у меня внутри все сжимается, как я поворачиваюсь, когда мне кажется, что я слышу его имя. Но некоторые вещи

просто неотделимы от нас, подобно дыханию.

– Какая мне разница, будет он там или нет?

Он тычет в меня пальцем.

– Вот это самое раздражающее из всего, что ты делаешь.

– Что?

– Из всего того, из-за чего мне хочется утопить тебя в океане, это хуже всего. Хуже, чем твой храп, чем твои причмокивания, когда ты жуешь жвачку, чем то, как ты брызгаешь на себя абсолютно все духи в дурацком магазине косметики. Я терпеть не могу, когда ты делаешь вид, будто я не знаю про тебя и Истона.

На самом деле он не знает. Никто не знает. Я даже не уверена, что сама понимаю все стоны и вздохи, что составляют меня и Истона.

Такер отпивает кофе, и тот оставляет пенку у него на верхней губе. Он слизывает ее, как щенок.

– Истон тебе писал? Или звонил?

– Нет.

Такер расслабляется, словно я только что сообщила ему отличные новости.

Я сглатываю – по большей части свою гордость.

– Он действительно не приедет? – Надеюсь, что он не услышит в моем голосе разочарования.

На его красивом лице появляется раздражение.

– Конечно, он приедет. Это же пятидесятилетний юбилей его матери. И ты тоже там будешь. Не глупи!

– Такер!

Он меня игнорирует и наклоняет голову.

– Ты точно с ним не говорила?

Я откидываюсь назад.

– С тех пор как уехала.

Он играет желваками.

– Ты должна ему позвонить, Эл.

Он, похоже, замечает страх у меня на лице, потому что в следующую же секунду у него в руке оказывается телефон.

– Что ты делаешь? – Мой голос полон паникующих ноток, которые мне, кажется, не скрыть.

– Собираюсь покончить с этим дерьмом. – Он нажимает три кнопки.

«*Неистовый Исти*» – имя вспыхивает на экране телефона, который он кладет между нами.

– Такер! – Раздается один гудок, второй. Я чувствую, как у меня в желудке бурлит кислота. – Нет, – произношу я. – Такер, повесь трубку!

Он как будто не слышит меня. Я прошу себя встать и уйти.

– Пожалуйста!

Третий гудок. Я не могу здесь сидеть. Четвертый гудок. Мне надо...

– Что? – Из телефона доносится голос Истона, глубокий и слегка хриплый.

Такер переводит взгляд на телефон и замечает:

– Долгая ночь?

Я слышу, как Истон разминает мышцы после сна, и вспоминаю, как именно это выглядит: его длинное тело вытягивается, грудь расширяется.

– Что тебе надо?

– Как поездка? – Такер смотрит на меня. Ждет, отразится ли у меня на лице удивление.

– Что тебе надо, Дятел? – повторяет Истон, называя брата прозвищем.

Я испытываю боль, слушая, как они разговаривают друг с другом. Я скучаю по этому сильнее, чем готова признать.

– Поздравляю с победой в поэтическом конкурсе! – За этим следует долгая пауза, пожирающая время, пока Такер не задает очередной вопрос: – Тебе Диксон звонил?

– Насчет чего?

– Насчет мамы.

– Звонил, конечно. Я обязан быть дома не позднее третьего числа, иначе он позаботится о том, чтобы мой член больше никогда не заработал.

Мне не удастся сдержать водопад мыслей о том, с кем он сейчас. Он с девушкой, поэтому угроза Диксона так страшна для него?

До чего же я глупа!

– Ну то есть ты там будешь, – уточняет Такер.

– Зачем ты вообще задаешь такие тупые вопросы? И какого хрена? Не мог просто написать мне?

Я слышу, как Такер еле сдерживается, и понимаю, что де-

ло во мне.

– Итак, мы все будем там.

– Ну да! Ты что, не в себе?

Меня задевает, что он не понял, о чем говорит Такер. Похоже, Истон обо мне забыл.

– Мы все будем там, – повторяет Такер, – *в том числе Эллис.*

Звучание моего имени подобно камню, подброшенному в воздух, и на меня падают долгие секунды молчания Истона на том конце линии.

– Клево! – Одно слово – в нем нет ни боли, ни надежды, которые я ждала. Оно звучит... нормально.

Такер не сводит с меня глаз, наблюдая за реакцией. Потом издает безрадостный смешок.

– *Клево.* И никому совсем не будет неловко, ага. Так весело.

Истон фыркает, и в динамике телефона раздается треск.

– С чего вдруг кому-то станет неловко? Уверен, ей все равно, буду я или нет, да и мне все равно.

– *Истон,* – теряет терпение Такер.

– Что? Да не переживай, я не собираюсь портить мамин день рождения. У нас с Эллис все в порядке.

Первый раз почти за год я слышу, как он произносит мое имя.

Такер услышал достаточно.

– Я не собираюсь играть с тобой в эту игру, братишка. Мне

без разницы, что вы с Эллис поругались...

– Да не ругался я с твоей девушкой, Так.

Он умолкает, и Такер опять смотрит на меня. На его лице отражается печаль, но не из-за меня, а из-за брата.

– Она не моя девушка, Истон. Прекрати нести этот бред!

– Отлично, – его ответ звучит сдавленно, и я вопреки всему надеюсь, это потому, что ему больно. – Я ей не нужен, у нее есть ты. Называй ваши отношения как хочешь. Эллис теперь твоя проблема.

– Ох уж эта ваша гордыня, – с досадой выдыхает Такер. – Папа попросил меня позаботиться о том, чтобы Эллис приехала. Не хочу, чтобы она переживала, что ты... будешь вести себя вот так. Может, ты ей позвонишь?

По голосу Истона я понимаю, что он раздражен.

– Она не цветок.

– Откуда тебе, на хрен, знать, кто она? Ты не говорил с ней уже год! – Эти слова просачиваются сквозь мою кожу и ложатся правдой на кости. – Просто уладь все. Убедись, что ты не станешь причиной, по которой она не приедет. Хорошо?

Звонок завершен, и я смотрю на Такера с одинаковой долей гнева и благодарности.

– Я об этом не просила.

– Знаю, – отвечает он, допивая кофе, – но пожалуйста.

Как бы мне хотелось не ждать вестей от Истона целых шесть дней и чтобы для меня не значили так много два слова, что появились на экране моего телефона, чтобы они не

были подобны привязи, что тянет меня домой: «Просто приезжай».

Одиннадцать лет

– Ты проблема, – цыкнула мать, прежде чем прикурить сигарету, свисавшую из сжатых губ. Зеленый лак облупился, и под ним виднелись желтые ногти заядлой курильщицы.

«Проблема» – добавила я к списку слов, которыми меня называли за мои одиннадцать лет.

На выдохе у нее изо рта вырвалось облачко, окрасив воздух в комнате пыльно-серой дымкой в фильтрованном солнечном свете. И я поняла, что это то же самое, что и ее слова: яд.

Я уже собиралась открыть книгу, чтобы избежать нотаций матери, как в гостиную вошел отец.

– Да ладно тебе, Анна! Что ты на нее накинулась? Она же не банк ограбила.

Папа подмигнул мне, взглянул на книгу у меня в руках, читая название: «Япония». Потом одобрительно кивнул. Отец дал мне эту стопку всего месяц назад – книги с голубыми корешками, на которых написано название какой-нибудь страны.

– Пока нет. Но именно с этого все и начинается – ложь и воровство, – и снова разочарованный выдох облаком дыма.

Я ничего не крада, ведь комикс принадлежал Истону. Я

перевернула страницу книги, открыв картинку с цветущими ветками вишни рядом с заметками для путешественников, изучающих горы.

– Мне не нравится, что она общается с этими людьми, – добавила мама.

Папа расправил плечи и широко распахнул глаза.

Но моя мать только начала.

– Уверена, ты просто в восторге от того, что она спуталась с этим пацаненком Олбри.

Взгляд папы отчетливо говорил, что ему хочется прекратить эту ссору, и я не удивилась, когда он ответил ей:

– Я уже запретил ей туда ходить, Анна.

Я поджала губы, чтобы ничего не сказать. Отец не говорил ничего подобного, когда брал из руки Сэндри пирог и справлялся о матери Сэндри. Он обещал ей, что мы непременно вернемся и искупаемся в озере.

– Я и до этого говорил Эллис, но ты же знаешь, она никогда не слушается, – продолжил он.

Вот только он ничего не говорил.

Когда мама ему улыбнулась, я поняла, почему он так сказал – ее счастье было важнее правды, и он использовал меня в качестве дешевого полироля, чтобы скрыть пятна своей лжи.

Я прочитала слова на странице передо мной.

«Есть две вещи, которые обязан знать каждый путешественник, ступающий на землю новой страны: как сказать

“Здравствуйте” и “Спасибо” на местном языке».

Мне стало интересно, как будет по-японски «проблема» и называют ли японцы так своих детей. Приносят ли они их в жертву на алтарь собственной лжи?

Я решила провести остаток дня, читая старые путеводители, и именно за этим занятием нашел меня Истон днем в воскресенье.

Я сидела на складном стуле на крыльце с путеводителем по Коста-Рике. То и дело ерзала, когда пластиковые полоски сиденья слишком глубоко впивались в меня, и читала о самом длинном в мире зиплайне, проходящем мимо водопада.

Мама ушла, не потрудившись сообщить, когда вернется, а отец уехал по делам. Я как раз дошла до рассказа о хостеле, где можно спать в гамаках на пляже, когда услышала, как кто-то говорит:

– Серьезно?

В грязи, что должна быть лужайкой, стоял Истон Олбри в своем лучшем воскресном костюме. Его галстук развязался, а ботинки покрылись пылью после прогулки по нашей подъездной дорожке.

– Что? – спросила я, опуская ноги на землю, и положила книгу рядом со стеклянной банкой с фиолетовым «Кулэйд»⁴.

– Ты просто сидишь на крыльце и ничего не делаешь – и это в воскресенье? – В его вопросе помимо неприятного удивления слышалось и обвинение, сути которого я не по-

⁴ Сухая смесь для приготовления сладкого напитка с фруктовым вкусом.

няла.

Я посмотрела на дорогу, словно к дому в любой момент могла подъехать мама. Может, я что-то пропустила?

– Ну да, а что?

Лицо Истона скривилось, словно я ляпнула что-то неприличное, а потом он громко рассмеялся.

– Больше не будешь. Меня за тобой отправила моя мама.

У меня в животе нервы свились в тугой комок.

– За мной? А зачем?

– Чтобы я привел тебя на воскресную трапезу. Она не помнит, ходила ли ты на причастие, но пастор уверен, что ты не была на таинстве с тех пор, как... Ну, ты знаешь.

Я знала. Все знали. Моя мама могла быть... моей мамой.

Мы больше не ходили в церковь, но никто не спрашивал почему. Очевидно, всех вполне устраивало, что Трумэны оставались дома.

– Может, мы атеисты, – ответила я.

Он простонал. У нас в городе в церковь ходили даже атеисты.

– Ну сегодня ты пойдешь на трапезу.

– Да все нормально, – я подняла стакан и сделала несколько больших глотков.

Он наморщил нос, глядя на меня.

– Фиолетовый – это не вкус.

– Виноградный.

– Я никогда не ел винограда, который так выглядел бы. –

Истон переступил с ноги на ногу. – Ну так ты идешь?

– Мне как-то не хочется идти.

– Ты думаешь, это я прошу тебя прийти на обед?

Мои ребра охватило болезненное чувство неловкости.

Может, я ошиблась и он не хотел, чтобы я пошла с ним.

– Я не могу вернуться без тебя.

– Я не хочу никуда идти! – Уверена, ему не удастся меня заставить, более чем уверена.

Он глубоко вздохнул.

– Я тоже не хотел идти сюда, пока пироги не выставят на стол, и все же я здесь. И теперь мои братья съедят самые вкусные, а мне останется только отвратительный ванильный, который испекла миссис Уоллмонт.

Я решила с ним не спорить, чтобы он поскорее ушел. Велика вероятность, что домой вернется отец и увидит, кто здесь.

Истон подошел ближе, смахнул пыль с крыльца и сел.

– Выбирай: либо ты пойдешь со мной, либо я останусь здесь и проведу с тобой весь день.

Меня передернуло от мысли, что Истон так и будет сидеть у меня на крыльце. У отца, когда он появится дома, явно возникнут вопросы. Да и неизвестно, что скажет мать, вернувшись.

– У тебя есть другие книги? – Истон прислонился спиной к старым доскам.

Я встала.

– Ладно.

– Тебе, наверное, лучше переодеться. – Истон вроде бы не пытался меня обидеть, но по тому, как изменилось его лицо после этой реплики, я поняла, что он знает: обидел. От этого мне стало еще хуже.

Я вошла в дом. В моей комнате был бардак: одежда, листы бумаги, игрушки, что уже мне не по возрасту, чашки и тарелки, которые я не унесла на кухню, незаправленная постель и картинка с лошастью в дешевой рамке. Я поискала свою единственную юбку и негрязную кофту. Они лежали в углу моего шкафа рядом со старой парой туфель, которые мне принесла мама и которые мне нещадно жали. Переодевшись, я оставила короткую записку на конверте для папы, а потом вышла на крыльцо, расставив руки в стороны.

– Вот так отлично, – ответил Истон на мой молчаливый вопрос.

Мы вышли на дорогу.

– Тебе не нужно подождать и спросить у кого-нибудь, можно ли тебе уйти? – Истон оглянулся на мой дом.

– Нет.

Мы молчали, пока шли по дороге, ведущей к его дому. У нас под ногами скрипел гравий.

По воскресеньям время будто останавливалось. На дороге ни единой машины, никто не работал во дворе, потому что все были в церкви на воскресной трапезе.

Мы срезали путь через пустырь и вышли к маленькому

коричневому дому, что был мне незнаком.

– Куда мы идем? – спросила я, следуя за Истоном.

Он не обернулся, отвечая:

– Мне нужно кое-что забрать.

Мы подошли к заднему крыльцу. В доме явно никого не было, царила странная тишина. Над деревянным крыльцом нависала оцинкованная крыша, а под закоптившимся окном стоял белый морозильник. Истон поднял крышку и порылся внутри.

– Что ты делаешь?

Вместо ответа он вытащил два фруктовых мороженных на палочке, покрытых ледяным налетом от морозильника.

– Это фиолетовое. – Истон протянул его мне, как меч. – Бери!

– Ты ворующь мороженое?

– Да его никто не ест. Оно тут лежит для внуков мистера Коннера, которые к нему не приезжают. Окажем ему услугу!

– Мы берем без спроса чужое. Это воровство.

– Я не ворую, – ответил он мне серьезным тоном.

Я взяла у него мороженое.

– Так он сказал, что его можно брать?

Истон пожал плечами. Похоже, это проверка. Я уже однажды послушала Истона и оказалась на заднем сиденье полицейской машины, а закончилось все пирогом. Истон снова хочет, чтобы я ему доверилась, но я не переставала думать о том, сколько еще раз все закончится чем-то похуже.

Я взяла мороженое. Мы сели рядом на ступеньках, сняли упаковку и быстро съели лакомство.

Истон наконец заговорил:

– На самом деле ты не плохая.

Пришел мой черед смутиться.

– Это еще что значит?

– Ты не хотела мороженое, потому что оно, возможно, украденное. И ты пошла со мной за комиксом, но только потому, что я сказал, что он мой, – он пожал плечами. – Ты хорошая.

Мне хотелось спросить, кто считал меня плохой, но я постеснялась.

Истон встал и вытер ладони о штаны.

– Люди думают, что я хороший, но это не так.

Я подняла обертки от мороженого и бросила в маленькую мусорную корзину рядом с морозильником.

Мы пошли обратно по полю, а потом Истон свернул к своему двухэтажному желтому дому с белой отделкой, где я побывала прошлой ночью. При свете дня я заметила озеро перед домом, из-за чего он еще больше походил на картину в рамке. Машины были припаркованы под огромными деревьями с большими ветвями, лужайка покрыта травой – зеленой и постриженной.

Трудно поверить, что от моего дома до этого можно дойти пешком, казалось, мы очутились в другом городе.

Миссис Олбри стояла на крыльце в пыльно-голубом пла-

тье с белыми цветами и говорила с другой леди. Когда они нас заметили, миссис Олбри коснулась руки женщины и извинилась.

– Эллис, ты пришла. – От ее улыбки по всему моему телу разлилось тепло, хотя я не совсем понимала, зачем она меня сюда пригласила. – Ты хочешь есть? Принести тебе тарелку?

Я не знала, что мне следует ответить, а потому пожала плечами и робко кивнула.

– Можно я пойду? – простонал Истон, переведя взгляд на толпу детей, что сидели на террасе.

Миссис Олбри ответила:

– Помоги Эллис!

Истон был сыт мной по горло, и я это видела.

– Не нужно, миссис Олбри.

Она ответила, слегка вздернув губы, будто прикладывая усилия:

– О, определенно нужно. Но с твоей стороны очень мило так говорить, дорогая. И называй меня Сэндри. Иди повеселись! Будь как дома!

«Будь как дома». Что за странное выражение? Будто люди могут вставать на место, подобно кусочкам пазла. Миссис Олбри сдержанно махнула в сторону еды.

Истон бросил на меня сердитый взгляд и жестом велел следовать за ним.

Мы зашли в распахнутые огромные стеклянные двери. Внутри на стойке стояло несколько больших блюд. Истон

протянул мне тарелку, призывая поторопиться.

– Тебе необязательно ходить со мной, – сказала я.

– Моя мама, может, и кажется милой, но она сделает мою жизнь ужасной, если я оставлю тебя одну.

Я наложила себе в тарелку картофель с блюда и переспросила:

– Ужасной?

Диксон Олбри стоял рядом с братом с улыбкой на лице, угощаясь едой со стола без тарелки, сразу закидывая ее себе в рот.

– Это правда, Элвис, – произнес он между порциями.

Истон взял ролл.

– Сэндвичи с арахисовой пастой и вареньем на ланч. Забыть постирать мою футбольную форму...

– С арахисовой пастой и вареньем? – перебила я.

– Он их терпеть не может, – ответил за Истона Диксон.

Я покачала головой:

– Терпеть не может арахисовую пасту и варенье? Так не бывает.

– Бывает. Я их терпеть не могу! – Истон скрестил руки на груди.

– Звучит так, будто ты та еще проблема. – Я добавила на тарелку горку брокколи.

– Так и есть, – рассмеялся Диксон. – Когда ему было восемь, он ел только макароны с сыром – на завтрак, обед и ужин.

– Бе-е-е, – я поморщилась.

Истон нахмурился.

– Я не скажу тебе, где десерт.

Я трагично вздохнула.

– Ты сказал, что самое вкусное все равно уже закончилось.

Диксон снова засмеялся.

– А ты смешная, Элвис.

– Я не идиот, – проворчал Истон, – и припрятал немного, перед тем как уйти.

– Это, наверное, тыквенный пирог, – бросила я ему.

– С чего ты взяла, что тыквенный? – спросил он.

– Потому что тыква – самое гадкое из всего, что я знаю.

– Разве пирог может быть гадким? – с серьезным видом поинтересовался Диксон.

– Он ягодный, – ответил Истон, – мой любимый.

Я печально протянула:

– И мой.

Истон широко мне улыбнулся. Его взгляд загорелся от неожиданного открытия. Это застало меня врасплох, и воздух в легких на мгновение застыл.

– Я тебе не нравлюсь, – сказал он.

– Я... – У меня не нашлось слов, которыми можно описать мои чувства к Истону Олбри. Они были слишком неопределенными.

– Я всем нравлюсь. – Он произнес это не высокомерно, а будто загадку, что предстояло разрешить.

– Это правда, – добавил Диксон. Он жевал хлеб и смотрел на нас. – Он всеобщий любимчик.

– Я уверена, что ты хороший... – начала я.

– Да я не против, – перебил Истон, пожав плечами, – все думают, что я такой же, как братья.

Это предположение мне понятно. Истон на этой кухне казался не тем мальчиком, что убедил меня забраться в школу или украл мороженое, а выглядел так же.

– Все в порядке. Ты ничего мне не должна. Не нравлюсь так не нравлюсь.

Но он ошибался – Истон мне нравился. Мы вышли с едой на улицу и устроились на террасе. Ели с бумажных тарелок, которые постепенно промокали, и смотрели на гостей, которые усеяли двор подобно чернильным пятнам на бумаге.

– У вас всегда так много народу? – спросила я.

– Ага, – ответил он с набитым ртом.

Я зажмурилась и попыталась представить всех у нас во дворе. Это оказалось невозможно. Им просто не хватило бы места. Но у Олбри жизнь казалась безграничной. Она выплескивалась из дома и затапливала мягкую траву, что оттесняла озеро. Воздух наполнялся музыкой и смехом, и бриз с воды уносил их в неизведанные края.

Я словно оказалась на другой планете, в мире, где прежде не бывала, – безмятежном и радостном... пока я не услышала крики.

Около дома стояла мама. Ее волосы были пожелтевши-

ми, с рваными от краски и лака концами. Она носила дешевую одежду как дизайнерскую. Стразы на карманах джинсов, черная блузка ей явно мала. Я на мгновение застыла от восхищения, ведь моя мать была красива иной красотой, нежели все вокруг.

Я заметила потрясенно приподнятые брови, рты, застывшие в форме буквы «о». Они видели Анну Трумэн не так, как я.

Сэндри пересекла двор уверенными спокойными шагами с единственной целью.

– Кто это? – спросил Истон у братьев.

– Анна, пожалуйста, – услышала я слова Сэндри.

Взгляд мамы был тяжелым, а лицо – красным, словно мама Истона сотворила что-то ужасное.

– Ты совсем обнаглела?

– Анна, это всего лишь трапеза, – голос Сэндри звучал разумно и взвешенно. И в этом заключалась ее ошибка. – Эллис здесь весело. Разреши ей остаться.

– Ага, трапеза. – Моя мать выплевывала слова, словно яд. – Эллис! – позвала она меня, и я отшатнулась.

Моя мать устроила очередную сцену.

Сэндри пыталась спасти ситуацию, которая стремительно развивалась.

– Тру не стал бы...

– Даже не начинай это дерьмо, Сэндри. Ты не имеешь никакого права так со мной разговаривать только потому, что

вы с Тру когда-то были близки.

Я встала. Вместе со мной поднялся и Истон.

Сэндри не казалась обиженной или рассерженной, просто уставшей.

– Анна, я не пытаюсь...

– Я не хочу, чтобы ты общалась с Эллис, – усмехнулась моя мать. – Не хочу, чтобы ей промывали мозги культом.

Терпению Сэндри пришел конец – она выпрямилась и стиснула зубы.

– Тогда, надеюсь, в следующий раз, когда у Тру будут проблемы, ты сама его и вытащишь, – сказала она. – Не хочешь, чтобы я общалась с твоей девочкой? Так удели ей достаточно времени, позаботься о ней сама.

Я сделала шаг вперед, и Истон положил ладонь мне на руку. У него на лице отразилось замешательство, мне было ненавистно смущение, которое на меня нахлынуло. Я снова шагнула вперед, Истон меня придержал, но слишком поздно, моя мать меня увидела. Она двинулась к нам.

– Вот ты где, – сказала она. – Ты что, не слышала, как я тебя звала?

Я молчала, остолбенев.

– Я думала, мы это уже обсудили.

Из-за моего безмолвия в глазах мамы вспыхнул огонь.

– Пойдем! Тебе ждет Тэнни у бабушки! – Мама схватила меня за запястье. Я знала, что Тэнни меня не ждала. Этой ложью мать пыталась заставить меня делать то, что ей нужно.

Она посмотрела на руку Истона, и я ждала, что он отпустит и извинится. Но вместо этого Истон стиснул челюсти и сверлил мою маму взглядом, в котором явно читались неодобрение и гнев.

Никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы ребенок так смотрел на взрослого.

Я высвободила руку и вслед за матерью пошла со двора. Она велела мне никогда больше не разговаривать с этими людьми, и я согласилась. Если уж на то пошло, так лучше для всех.

Я была проблемой, и это следует за мной повсюду.

«Просто приезжай». Разглядываю сообщение, лежа в кровати. Я уже давно удалила историю чата, в которой были годы сообщений, снимков экрана и видео, и теперь это единственные слова в нашей переписке.

Все остальное я отправила в прошлое, которое мне нельзя посещать.

В горле встает ком сожаления, когда я смотрю на пустой экран и спрашиваю себя, что он видит у себя. Остались ли у него наши сообщения? Перечитывает ли их, или ему так же больно, как и мне?

«Просто приезжай».

– Привет, – за открытой дверью моей спальни появляется тетя, – звонил твой папа.

Знаю. Он сначала позвонил мне. У меня множество пропущенных звонков из тюрьмы, помимо других сообщений и уведомлений, которые я отказываюсь читать.

– Он расстроился, что не смог с тобой поговорить. – Тетя прислоняется к косяку, и на меня на мгновение накатывает чувство вины за игнорирование звонка. А потом я думаю, что ему, наверное, понадобились деньги. – Ты не думала с ним встретиться, когда... вернешься домой? – спрашивает она, пытаясь придать голосу непринужденность. Но тетя знает, что держит в руках бомбу, говоря со мной об Олбри.

Я заставляю ее принять решение о нашем разговоре.

– Домой?

Тетя выбирает храбрость... или глупость. Кажется, для Трумэнов грань между ними слишком тонка.

– Я разговаривала с Такером. – А потом добавляет: – И с Сэндри.

Мысль о предательстве проскальзывает в мой разум подобно змее, прежде чем я решаю раздавить ее каблуком. Я забываю, что она выросла с Сэндри. Забываю, что тетя Кортни – одна из немногих, кто уехал из нашего городка. Может, она и правда из храбрых Трумэнов. А я еще не решила, из каких я сама.

– Я не поеду.

– Эллис. – Ее голос становится выше, но тон смягчен жалостью.

– А ты повидалась бы с бабушкой, если бы вернулась? – Я хочу, чтобы мои слова звучали обвинительно, но вместо этого получается просто вопрос. Мне любопытно, что она скажет.

Тетя обдумывает ответ, вероятно, решая дилемму, как ей сказать правду и в то же время убедить меня встретиться с отцом.

– Нет, но не из-за бабушки, а потому что остальная семья... Мне с ними вредно разговаривать. Сложно бороться с тем, как они втягивают меня в свой хаос. – Я слышу сожаление в ее словах. Она не может поговорить с братьями и тем

не менее чувствует, что должна с ними поговорить. – Это же всего на несколько дней. Когда начнутся занятия в колледже, такого шанса может уже не быть.

Тетя делает два шага и кладет на кровать красный конверт. Я сразу узнаю почерк Сэндри.

Дверь за Кортни закрывается, давая мне уединение, в котором я так нуждаюсь. Я плююсь в потолок, пересчитываю свои чаевые и отправляю деньги отцу на счет. Потом проверяю твиттер и наконец разрываю конверт и нахожу внутри открытку.

Блестящие буквы «Поздравляем, выпускник!». Обратная сторона исписана почерком Сэндри – с аккуратными петельками, выведенными фиолетовыми чернилами. Он такой знакомый, что я испытываю боль, глядя на буквы. На открытке нет свободного места, а посередине вставлено «ТЫ ЭТОГО ЗАСЛУЖИВАЕШЬ».

Эллис! Я так тобой горжусь. Ты это сделала – окончила школу. Жаль, что мне не удалось на это посмотреть, но я понимаю, почему ты не пожелала, чтобы там был кто-то из нас. Мне хотелось, чтобы это смог сделать твой отец, знаю, как он тобой гордится и насколько для него это важно, хоть он никогда и не говорил об этом. Диксон только что заступил на дневную смену в полицейском участке. Он нашел себе новую девушку – посмотрим, как долго она продержится. Такер рассказал, что ты по-прежнему работаешь в кофейне. Я представляю, как ты подаешь

напитки на солнце рядом с пляжем. Звучит так классно, как в кино.

Ты превзошла все ожидания, и теперь пришло время решать, кем ты станешь. Надеюсь, это будет то, чего ты хочешь, а не то, чего, как ты думаешь, от тебя хотят другие. Знаю, ты на меня сердишься, но я лишь хотела, чтобы ты подошла к краю своей жизни и поняла, что способна прыгнуть в неизвестность. Я хотела, чтобы ты была уверена в себе и независима. Я хотела, чтобы ты нашла себя. Я так тобой горжусь, моя девочка.

Люблю тебя.

Сэндри.

Я сажусь и достаю из-под кровати потрепанную обувную коробку. Зеленая резинка, удерживающая крышку, уже теряет эластичность, и я легко ее сдвигаю. Внутри лежат все письма, что мне отправила Сэндри с тех пор, как я переехала. Они собраны в хронологическом порядке, и, хотя она ни разу не получила от меня ответа, письма по-прежнему приходят каждую неделю. Я кладу открытку в коробку и плюхаюсь обратно на подушки, глядя в потолок.

Так странно слышать от нее слова «край жизни». Я столько лет от него отступала, что не знаю, как выглядит уверенность в себе. Стоять у края жизни – это для тех детей, у которых за спиной есть рюкзаки с парашютами. Для таких людей, как Олбри. Я вижу глубочайшую несправедливость в том, что Сэндри как будто не осознает: именно она отобрала у меня способность стоять там и не бояться.

Те крупницы уверенности, что у меня есть, я заслужила сама, не благодаря ей. Сама!

Кое-что в глубине души не дает мне покоя. Она всегда как будто намеренно не упоминает в своих письмах Истона. Словно он провод, о который она боится запнуться, потому что тогда будет взрыв.

Я открываю страницу Истона в социальной сети, но вижу те же самые фото: пляж, ярко-бирюзовая вода, голубое небо.

А вот Истон стоит на вершине темной скалы, раскинув руки в стороны, словно молодой король. Обнаженная грудь, широкие плечи, обласканная солнцем кожа. Темные волнистые волосы, слегка влажные, обрамляют его поднятое вверх лицо. Улыбка слегка похожа на ухмылку. Он так делает, когда слишком в чем-то уверен.

Где он? Под фото нет геометки, но я вижу знакомый ник среди тех, кому понравился снимок: @sarasmile7360.

Мой палец накрывает имя за мгновение до того, как я решаю не слушать голос, говорящий: мне не понравится то, что я увижу.

Сара в Мексике. Первые три фотографии сделаны на пляже с наложенным фильтром яркости. На одном из снимков ее руки лежат на талии Истона, и он, кажется, смеется. У меня перехватывает дыхание – он в Мексике с Сарой. Они путешествуют вместе. Я смотрю на ее фотографии, словно они раскроют все секреты Сары. Письмо о поступлении в Нью-Йоркский университет – конечно же! У нее есть и деньги, и

хорошие оценки, чтобы учиться в таком заведении. Снимок с ней в Центральном парке возле огромного фонтана и размытый кусочек Истона.

Несколько мгновений я растерянно размышляю, что делать. Позвонить Такеру? Позвонить Истону?

Он путешествует. С другой! Как такое могло произойти? Как он мог поехать без меня? Как он продолжил мечтать, когда я не смогла?

Нахожу номер кухни. Разговоры с Тэнни – это почти сплошные гифки и эмодзи. Я набираю три простых слова.

Эллис: Привет. Скучала по мне?

Тэнни: Думаю, ответ очевиден: нет.

Я улыбаюсь.

Эллис: Я думаю, не приехать ли домой на пару дней.

Я вижу «Прочитано» и тревожусь: что может происходить у нее в голове?

Тэнни: К Олбри? На вечеринку?

Эллис: Ага.

Снова молчание, а потом...

Тэнни: Зачем?

Отличный вопрос. Зачем? Если бы я могла ответить честно, то написала бы, что хочу показать Истону, как он ошибся, потому что я слабая. Но я не могу поехать домой из-за этого.

Эллис: Это последняя возможность, потом начнется

учеба.

Тэнни: Ты хочешь с ними увидеться?

Да.

Эллис: Они купили мне билет.

Тэнни: Ты ничего им не должна, и решать только тебе.

Приезжай, если хочешь.

Я представляю ее лицо, когда это пишет. Обвинение в ее светлых глазах. Ее пышные волосы, разлетающиеся во-круг лица, подобно львиной гриве. Она всегда ненавидела Олбри. Истон всегда казался ей «слишком»: слишком громким, слишком высокомерным, слишком богатым. А если не таким, то слишком тихим, слишком скромным и недостаточно богатым. Для Тэнни не было никакого различия между Истоном и его семьей. Им никогда не стать достаточно хорошими, потому что они не такие, как мы. Для них жизнь не так тяжела, и наша борьба делает нас лучше их – сильнее.

Я втайне надеялась, что она напишет: «Не приезжай!» Но это не в духе Тэнни. Она хочет, чтобы я сама сделала выбор.

Не знаю, как ей объяснить, что для меня это шанс показать, как сильно я изменилась за этот год и больше в них не нуждаюсь.

У меня в памяти всплывает разговор с Такером: Истон выиграл приз. Я открываю «Гугл» и ищу упоминание о том, что он выиграл, но ничего не нахожу.

Переключаюсь на страницу Истопа, но там ничего о том,

куда он собирается дальше, ничего о Саре.

Я закрываю глаза и в миллионный раз повторяю себе, что в колледже все будет по-другому. Я наконец вырвусь из промежуточного состояния, в котором жду Истона, родителей или саму себя.

Мне надоело ждать, пока меня спасут или пока я найду себя, потому что я слишком боюсь, что человек, которого я обнаружу, кого-то разочарует.

Я отправляю сообщение Такеру.

Эллис: Подвезешь меня в аэропорт?

Такер:

Заберу тебя в семь. Будь готова. Ждать не буду.

Он отвечает сразу, будто знал, что я напишу. А потом приходит еще одно сообщение.

Такер: И так как я знаю, что тебе интересно.

Он отправляет ссылку на новость о том, что подросток из Индианы выиграл национальный поэтический конкурс в «Нью-Йорк Трибьюн», а также ссылку, где купить журнал со стихотворением.

Эллис: Что это?

Такер: Так смешно, когда ты начинаешь играть.

Кстати об играх.

Готова встретиться с Истоном?

Эллис: Я планирую сказать ему, что ты мой новый парень.

Такер: Фу, гадость! Прекрати говорить такие вещи,

я же только что поел.

Эллис: Увидимся в семь, Дятел.

Он отправляет мне эмодзи со средним пальцем, и остаток ночи я лежу в постели. Не сплю, думаю о Саре на фотографиях Истона. Мне трудно не думать о том, что это было неизбежно. Они же постоянно то сходятся, то расходятся. Сара воплощает все то, кем никогда не буду я: ухоженная, уверенная в себе, популярная.

Я ненадолго засыпаю, убаюканная своими жалкими мыслями, словно колыбельной. Проснувшись, собираю чемодан и иду к машине, что уже стоит рядом с домом. Выхлопные газы поднимаются клубами в прохладном утреннем воздухе.

Сонная тетя обнимает меня.

– Рада, что вернешься домой? – спрашивает она.

Мои слова не кажутся ложью:

– Неплохо увидеть всех в последний раз.

Это правда. Стоит доказать себе, что я в них больше не нуждаюсь. Ни в ком. Я изменилась, повзрослела и закрыла те части своей души, которые мне больше не нужны.

И мне не нужны Олбри.

Я опускаюсь на пассажирское кресло, и Такер, нахмурившись, окидывает меня взглядом.

– Ты уже выпила кофе?

Не отвечая, я отворачиваюсь к окну.

В аэропорту Такер фотографирует нас с багажом.

– Мне нужно, чтобы фоном виднелся аэропорт, – коман-

дует он. А потом добавляет: – Улыбнись!

Я подчиняюсь.

Он загружает снимок в Сеть с подписью «Возвращаемся домой. Но сначала кофе».

– Ты как будто сорокалетний разведенка, пытающийся разобраться с соцсетями, – говорю я и сую телефон в карман.

– Но горячий же разведенка, верно? С вибрациями типа «Не злись, если твой муж захочет это разбить».

Я отвечаю ему раздраженным взглядом.

– О боже, ты просто невыносим.

Он улыбается мне как-то слишком долго... как-то слишком нежно.

– Что?

– Спасибо, что ты это сделала, – серьезным тоном произносит он. – Там будет хорошо.

Я киваю. Мне хочется верить его словам, хоть я и не верю словам всех остальных.

Но когда он берет меня за руку, мне кажется, что он, возможно, прав.

Тринадцать лет

Диксон учился печь.

Стойка, к которой мы обычно придвигали стулья и делали домашнее задание, была покрыта мукой и шоколадной крошкой. По всей кухне стояли мерные стаканы разных размеров, а рядом со спорящим Диксоном жужжал ярко-красный миксер.

– Я уже добавил три яйца.

Сэндри провела рукой по лбу, размазав по виску нечто цвета карамели.

– Дикси, добавь третье яйцо, или все расползется.

– Говорю же, уже добавил.

– Милый мой, посмотри на меня. Я достала три яйца. Всего три. Третье яйцо у тебя в руке.

Плечи Диксона опускаются, он откидывает голову назад и издает протяжный плаксивый стон.

– Почему я вообще должен этим заниматься?

Истон протягивает мне пакет чипсов, не сводя глаз с брата и мамы. Я беру горсть и продолжаю смотреть послеобеденное развлекательное шоу.

– Потому что, как я уже сказала, я не собираюсь делать все за тебя. Это ты вызвался принести брауни. Я не соглашалась

их печь. Я и так уже вовлечена больше, чем ты мне обещал. Добавь, пожалуйста, это яйцо в тесто, пока я не засунула в тесто *тебя*.

– Мама...

– Диксон, давай я помогу! – Беру из его руки яйцо, наклонившись над стойкой и заглядывая в миксер. – Добавим его и будем в безопасности. Тесто это не испортит.

На лице Сэндри отражается раздражение, она отходит в сторону, но я просто больше не могу слышать нытье Диксона. Истон щурит глаза, наблюдая, как я разбиваю яйцо в тесто. Его явно раздосадовало, что я испортила веселье.

– Ты уверена, что это не повредит? – спрашивает Диксон.

Я мою руки и беру полотенце, чтобы их вытереть.

– Понятия не имею, не будет ли тесто ужасным, но даже если и так, то причина не в яйце.

– Ты ведь поможешь мне? – умоляюще спрашивает Диксон.

– У нас еще домашнее задание не сделано, – отвечает за меня Истон, подталкивая меня плечом. – Пойдем!

Он берет наши рюкзаки с учебниками и несет в столовую, мы располагаемся за обеденным столом. Музыкальное сопровождение нам обеспечивают телевизор и продолжающие спорить Сэндри и Диксон.

В доме Олбри всегда шумно.

Истон достает из рюкзака тетрадь и открывает ее. В верхней части страницы нацарапано несколько слов.

– У тебя есть домашнее задание мистера Грейвса?

Я кивнула.

– Хорошо, тогда ты можешь сказать мне ответы, – он достал учебник.

– А это что? – спросила я.

Как будто только что заметив, он придвигает тетрадь и пытается перевернуть страницу. Но тут в комнату входит Такер со стаканом смузи в руке.

– Это его стихи.

– Стихи? – переспросила я.

– Истон пишет стихи, как девчонка.

– У поэзии нет пола! – крикнула Сэндри. – И прекрати дразнить брата.

Такер поджал губы.

– Еще как есть. И именно это он и делает.

Истон сжал тетрадь.

– Заткнись, Такер! Ты вообще еще писаешь в постель.

Такер побледнел.

– Я болел! – Он бросил на меня серьезный взгляд. – Я не писаю в постель.

Я подняла руки. Универсальный знак капитуляции. Оказаться между Такером и Истоном во время очередной ссоры небезопасно.

– Мама! – завопил Истон.

Но Такер уже, перегнувшись через стол, вырвал тетрадь у Истона.

– Глаза из огня и слова, как ножи, – прочитал Такер, подчеркивая каждый слог. Истон вскочил, его стул с грохотом упал назад. Он подпрыгивал, пытаясь отобрать у брата свою тетрадь.

– Такер, прекрати! – закричал Истон, цепляясь за руки Такера.

– Цветы, словно чувства, разнятся оттенком, – продолжил Такер, пятясь к стене, пока Истон не упал на пол. Я видела, что он вышел из себя. В его глазах блеснули злые слезы, готовые вот-вот покатиться по щекам.

– Такер! – позвала я.

В столовую вошла Сэндри, и в этот момент Истон сжал кулак и ударил Такера прямо в живот.

– Истон! – закричала Сэндри, когда Такер упал, Истон вырвал из рук брата тетрадь и захлопнул ее.

– Проклятье! – продолжила миссис Олбри, наклоняясь к Такеру. – И какого черта ты это сделал?

– Он прочитал мои стихи, – ответил Истон, едва сдерживая свою ярость.

Его стихи. Я не знала, почему это так важно, но поняла, что его мать знает, потому что с ее лица исчез гнев.

– Это не дает тебе права бить других, – вздохнула Сэндри, переводя взгляд с Такера на нас. – Ступайте отсюда. Идите в другую комнату и ждите там, когда я за вами приду.

Через час ни у кого не останется и следа от гнева, но пока он еще ярко горел, Такер держался за живот и стонал.

Дятел.

– Почему именно я должен уходить? – возмутился Истон.

– Потому что Такер лежит на полу. Уйди, пока я не уложила тебя рядом с ним.

На кухне Диксон выливал темное тесто в смазанную маслом форму.

– Если из-за вашей ссоры у меня не получатся брауни...

Истон поднял палец и провел им по поверхности теста. Диксон замер от шока. Тесто выглядело аппетитно, и я, улыбнувшись, сделала то же самое, а потом сунула палец в рот.

По лицу Диксона было отчетливо видно, что он считает нас предателями.

– Вы заразитесь сальмонеллой и умрете, а я прочитаю на ваших похоронах все эти стихи! – Он застонал, пытаясь пригладить следы, оставленные в его творении нашими пальцами. – Просто уйдите домой к Элвис.

– К Эллис, – поправила я, – больше по привычке.

– Эллис не нравится, когда к ней кто-то приходит, – сказал Истон, глядя на злополучную тетрадь. – Пойдем ко мне в комнату! – Пока мы поднимались по лестнице, он громко топал от досады.

Я тем временем прокручивала в голове слова Истона. Оказавшись в тишине его комнаты, я спросила:

– С чего ты это взял?

– Что взял? – переспросил Истон, слушая меня вполуха.

Он сунул тетрадь в шкаф.

– Обо мне.

– Что – о тебе?

– О моем доме. Почему ты так сказал Диксону?

Истон, кажется, понял: что-то не так. Он смущенно прикусил губу.

– Что случилось?

– Почему ты сказал, что мне не нравится, когда ко мне домой кто-то приходит?

Он посмотрел на дверной проем, вероятно, ожидая помощи от матери, а потом повернулся ко мне:

– Потому что тебе не нравится. – Его тон подразумевал, что это очевидно. Точно так же люди говорили с моей матерью, когда она вела себя неразумно и невежливо.

Я стиснула зубы.

– Я никогда такого не говорила.

– Ну а еще ты никогда не приглашала меня к себе, – ответил Истон, подстраиваясь под мой сердитый тон, но затем сразу же расслабился. – Это нормально, если ты не хочешь, чтобы к тебе кто-то приходил.

Но это было не так. Он ошибался.

Сжав руки в кулаки, я пошла вниз по лестнице. Истон последовал за мной. Теперь пришел мой черед сердито топтать. В столовой я затолкала учебники в сумку.

– Эл, не уходи. Я не... – начал Истон.

Но я не дала ему договорить.

– Пошли! – я протянула ему руку.

– Куда?

– Ко мне домой.

Истон уставился на меня. Заметно было, что в нем борются смущение и любопытство. Я спрашивала себя, разрешит ли ему Сэндри и что скажет моя мать, увидев Истона. Мама научилась принимать нашу дружбу, но это не значило, что она готова принимать его у себя дома.

Истон пожевал губу, а потом вздохнул.

– Ладно.

Облегчение от того, что я добилась своего, тут же сменилось тяжелым предчувствием того, что может случиться.

Истон собирался ко мне в гости.

Он собрал учебники и махнул, чтобы я выходила. Мы шли молча, без привычных разговоров о школе и друзьях. Лишь слышались звуки шарканья нашей обуви. Когда показался мой дом, я увидела, что гараж закрыт и машиной нет. Неясно, как скоро мама вернется. Она уехала еще вчера, и время ее возвращения непредсказуемо.

На крыльце лежала грудa шлакоблоков, местами покрытых черной сажей, – о них тушили сигареты. Я открыла дверь, и в нос мне ударил затхлый воздух и застоявшийся запах «Мальборо Редс». Я спрашивала себя, почувствовал ли это и Истон. Оранжевый диван истерся до грязно-коричневого в том месте, где обычно сидела и курила мать. На приставных столиках стояли пивные бутылки, а на плите –

бумажная форма с едой для разогрева в микроволновке, которой мы вчера ужинали.

Я взглянула на Истона, осматривавшего комнату.

– Хочешь воды? – Больше мне нечего предложить.

– Нет, спасибо! – Он держал руки в карманах, словно боялся к чему-нибудь прикоснуться, окидывая взглядом мой дом.

Мы были не просто бедными, но еще и нечистоплотными.

– А где твоя мама? – спросил он.

– Уехала.

– А когда вернется?

Я не ответила.

– Кажется, она уехала очень давно, – добавил он.

Я пожала плечами, и мы пошли в мою комнату. Выцветшая желтая мебель и незаправленная постель теперь казались мне какими-то другими, но взгляд Истон даже не остановился на них – он рассматривал стены.

Они были плотно заклеены фотографиями разных мест со всего мира. Я вырезала их из путеводителей. Фото висели на прозрачных гвоздиках из долларового магазина, делая стены почти текстурированными. Рядом с каждым снимком я написала по два слова на языках, соответствующих местности на фотографии.

– «Ола. Грасиас», – Истон провел пальцем по краю бумаги, вслух читая слова.

– «Привет и спасибо», – перевела я, нервно переступая по

ковру.

Истон стоял посреди комнаты и переводил взгляд с одной фотографии на другую.

Я ногой запахнула под кровать кучку одежды в надежде, что Итон не увидит лежавшее сверху нижнее белье. По-прежнему держа руки в карманах, он наклонился к вырезке с подчеркнутыми словами.

– Плязи Таиланда, – громко произнес он. – Саваддии ка.

– Ты бы сказал «саваддии кхрап», потому что ты мальчик. – Я пыталась не ежиться от неловкости, пока он рассматривал стены. – О чем ты думаешь? – спросила я.

– «Гутен таг», – прочитал он, а потом тихо рассмеялся и наклонился к книгам, сложенным у стены. – Что это?

– Мне нравятся путеводители, – ответила я, теребя вылезшую из блузки нитку.

– Это заметно! – Итон глубоко вздохнул и поискал глазами место, куда можно присесть. – А почему?

– Мне нравится думать, что есть места, где все не так, как здесь. – Я опустила на пол и открыла учебник. Истон сделал то же и наконец посмотрел на меня. Я достала тетради. – Мне нравится представлять людей, которые живут в этих местах, как они говорят.

– Например, «здравствуйте» и «спасибо»?

– Мне нравятся слова. – Я поскребла по обложке тетради, прежде чем добавить: – Если не считать Тэнни, ты первый человек, кому я это показала.

– А почему здесь больше никого не было? – спросил он.

– Наверное, потому же, почему не было тебя. – Я смотрела на свое домашнее задание, пытаюсь сосредоточиться на математике, а не Истоне Олбри. Я не хотела быть честной. Я стеснялась: своего дома, своих родителей, того, кем была я.

Но Итон давил на меня, вытесняя из головы цифры и призывая обратить на него внимание.

– О чем ты думаешь? – снова спросила я.

Он продолжал рассматривать мою комнату.

– Мысли не бесплатны.

– Что? – спросила я.

– Ты не делишься ими просто так с тем, кто ничего не заплатил, – сказал он и прокашлялся. – Думаю, мы с тобой похожи.

– О, – ответила я, как будто поняла, о чем он говорит, хотя это было не так.

– Нам обоим нравятся слова.

Его стихи. Я спросила себя, являлись ли они тем же для него, давали ли слова ему свободу.

– Ты разрешишь мне почитать твои стихи?

– Возможно, когда-нибудь.

Я вжала кончики пальцев в пол, пока они не побелели, чтобы не дать Истону увидеть, как много для меня значило то, что он сказал.

– А ты знал, что в Древнем Китае те, кто хотел получить работу в правительстве, обязаны были сдавать экзамен по

поэзии?

– Чтобы получить работу?

Я кивнула и снова посмотрела в тетрадь.

– Поэзия важна.

Мы слушали скрип ручек по бумаге, позволяя развиваться нашим мыслям.

– Мне нравится твоя комната, – вдруг сказал Истон.

Ему понравилось то, что я ему показала. Он знал, что это важно, хоть я и притворялась, будто все не так. И это пугало в Истоне: он всегда знал, что я имею в виду.

Я ожидала, что Индиана покажется мне другой. Год может изменить место, человека, город. Мы едем по улицам, знакомым мне всю жизнь, и я вижу, что все по-прежнему. Те же кирпичные здания вдоль главной улицы. Та же заправка с двумя насосами под провисшим знаком с надписью «Квикс-топ». Вокруг все так же простираются кукурузные поля. Все ждало меня.

Машина мчится по извилистой дороге, а Такер, сидя рядом, отправляет сообщение за сообщением. Я стараюсь не обращать внимания на эмоции, что меня душат.

Когда такси останавливается на подъездной дорожке, я вижу, как по лицу Такера, подобно воску, разливается улыбка. Он дома. Дом Олбри совсем не изменился. Свет вокруг него постепенно тускнеет – солнце борется с темнотой, пытаясь бросить на воду последние лучи.

Заметив у дома полицейскую машину, я вспоминаю, как впервые оказалась у Олбри. Прислонившись к ней, стоит Диксон со сложенными на груди руками, в полицейской форме.

– Дикси. – Такер выскакивает из машины и идет к брату, оставив меня забрать чемоданы из багажника. А я не возражаю. Мне нужно время, чтобы подготовиться.

Диксон протягивает брату руку, не желая с ним обнимать-

ся.

– Даже не начинай свою херню, Дятел.

Такер совершенно не выглядит расстроенным. Он отбрасывает руку брата и заключает его в объятия. Я слышу гулкие похлопывания по спине.

– Где Элвис?

Я с громким стуком закрываю багажник и смотрю на Диксона.

Мы ни разу не говорили с тех самых пор, как я уехала. Лишь несколько коротких сообщений пару раз, но ничего... ничего подобного тому, как было прежде.

Никаких признаний о девушках, которые ему нравились, никаких насмешливых сообщений о братьях. Он стал случайной жертвой моего отъезда – болезненным напоминанием о том, что я потеряла, когда меня отправили в Сан-Диего.

Я жду, какое приветствие получу. Злитесь ли он? Раздосадован ли? Не установила ли я между нами слишком большую дистанцию? Я задерживаю дыхание, а потом...

Руки Диксона подхватывают меня, и мои ноги отрываются от земли. На меня накатывает настолько мощное, настолько всеобъемлющее облегчение, что я чувствую, как глаза и нос пощипывает от слез. Я зарываюсь лицом ему в шею. Воротничок и край жилетки из грубой ткани впиваются в мою щеку, но мне все равно.

– Я по тебе скучал, – шепчет он мне в волосы.

И он искренен. Я чувствую это по тому, как его слова ло-

жаты мне на сердце – без притворства, без каких-либо добавлений. Только правда – без оговорок!

Когда он опускает меня на землю, я смотрю себе под ноги, позволяя Диксону унести мой чемодан наверх. Я нахожу глазами отсутствующий кусочек дерева на одной из ступенек и вспоминаю, как однажды Истон, затаскивая на крыльцо велосипед, повредил это место.

И такой будет вся неделя: воспоминания о миллионе разных мгновений с Истоном. Я не смогу. Я не выдержу!

Войдя в дом, я чувствую запах жареного мяса и слышу шум, доносящийся с кухни.

– Мам, – кричит Такер, – мы это сделали!

Сэндри выглядывает из кухни с широко распахнутыми глазами, несколько прядей выбились из хвоста, перекинутого через плечо. Она натянута, нервно улыбается. Уверена, что ее улыбка, как в зеркале, повторяет мою. Сэндри снимает фартук и бросает его на стойку, а потом крепко обнимает Такера.

– Как же я рада, что вы приехали, – говорит она чересчур громко.

Бен Олбри встает и переводит на меня взгляд темных глаз. Я задерживаю дыхание, когда он одной рукой обнимает меня за плечи и целует в макушку, как это сделал бы папа. Вот только моему папе не разрешается меня обнимать – заключенным нельзя прикасаться к посетителям.

– Добро пожаловать домой, Эл, – говорит он.

Ничего не говоря в ответ, я прижимаюсь к нему, и он не убирает руку еще несколько долгих мгновений. Я словно прикрыта щитом. Бен всегда таким был – примирителем семьи.

Сэндри расспрашивает Такера о нашем полете, о дороге из аэропорта, но я слышу не все их слова, поскольку у меня звенит в ушах. Я волнуюсь, потому что я трусиха, потому что злюсь, потому что...

Потому что я до невозможности хочу, чтобы Сэндри посмотрела на меня так, словно она по-прежнему меня любит. Ненавижу себя за то, что мне это нужно и что для меня это обязательное условие, чтобы снова почувствовать себя здесь как дома.

Она отпускает Такера, и я наконец получаю ее внимание.
– Эллис, – мое имя звучит уважительно.

И мои губы невольно растягиваются в улыбке. Сэндри протягивает руки, словно собирается меня обнять, но вместо этого кладет свои ладони на мои.

– Я рада, что ты приехала, – ее голос звучит натянуто. – Ты голодна?

Какой же глупый вопрос! Совсем не то, о чем мне хотелось бы поговорить.

– Я умираю с голоду, – вмешивается Такер, – мне просто необходимо поесть прямо сейчас.

Я садилась здесь за стол столько раз, что у меня есть собственное место. Стул рядом со мной пуст – на нем должен

сидеть Истон. Его недостает – с этим ощущением проходит ужин. И дело не только в невысказанных словах, не только в призраке того, кого здесь нет.

Мы избегаем этой темы. Даже Такер, который обычно не упускает возможности вставить неудобный комментарий между поеданием жареной курицы, картофеля с маслом и салатом из овощей, выращенных в саду Бена и заправленных оливковым маслом.

«Грех жару приближаться к таким помидорам» – первая заповедь религии беновского сада.

В центре стола стоит миска с хлопьями красного перца – рядом с солонкой и перчатницей, потому что Бен считает, что всем блюдам, абсолютно всем, не хватает красного перца.

По какой-то глупой причине из-за этой миски у меня встанет ком в горле. Это осознание, что я по-настоящему здесь. Не дома, но...

Такер спрашивает о юридической фирме Бена и жителях города. О вечеринке Сэндри и той нервотрепке, что неизбежна при подготовке мероприятия на двести человек. Мы разговариваем о работе Диксона в патруле. О девушках, с которыми он встречается. А потом разговор доходит до Такера.

– Скажи-ка, как получилось, что твой брат думает, будто вы двое с ним не разговариваете? – вдруг спрашивает Бен, скрестив руки на груди.

У меня внутри все падает. Я уже забыла, что Олбри нико-

гда не избегают неудобных разговоров.

– Да кто знает, что там у него в голове, пап, – с пренебрежением отвечает Такер, – я постоянно говорю с Истоном.

Тишина в комнате настолько тяжела, что мне трудно дышать.

Сэндри поджимает губы. По ее лицу отчетливо видно, что она не одобряет наши решения – Истона, Такера, мои.

– Это уже просто нелепо, Такер!

– Да почему опять я? Почему не он? – спрашивает Такер. – Почему я должен успокаивать Иста из-за того, что они с Эллис поссорились? – Он смотрит на меня, явно считая все происходящее несправедливым. – Я не виноват.

– Ты старше и взрослее, – говорит Сэндри, – вроде бы.

Такер проводит ладонью по лицу.

– Ненавижу эту семью.

– Просто уладь все с братом, – добавляет мать. – Можешь считать это подарком мне на день рождения. – Она говорит с Такером, но я знаю, что это указание касается и меня.

– Мой подарок – ручной труд для твоей вечеринки, – шутит Такер. – Никто действительно не понимает, что на самом деле жертва здесь я?

– Ты будешь заниматься не только ручным трудом. Нужно сделать кучу всего и...

– Сэндри, – Бен успокаивает назревающую бурю, накрыв ладонь жены своей, и мы видим, как Сэндри глубоко вздыхает.

Она встает, давая понять, что ужин окончен, и я убираю посуду, что давно уже стало в этом доме моей обязанностью. Мы возвращаемся к своим ролям, будто это мышечная память. Фоном играет Ван Моррисон. Сэндри сидит у островка, а Бен снова наполняет ее бокал вином. Такер и Диксон загружают посудомойку и протирают столешницы. Мы убираем половинки овощей и специи, про которые забыла Сэндри во время торопливой готовки.

Парни толкаются и пихают друг друга, и внутри меня что-то поднимается. Нормальность всего вокруг. За исключением огромной – размером с Истона – дыры в комнате.

Бен садится рядом с Сэндри и кладет ее ноги себе на колени. Нежно обводит пальцем лодыжку.

– Когда должен приехать Истон? – спрашивает Такер. – Накануне вечеринки?

– Ага, – отвечает Бен, – оттягивает до последнего.

– Истон такой Истон – как обычно, отлынивает от тяжелой работы, – бормочет Диксон.

– На самом деле он в этом не виноват, поездку планировала Сара. – Сэндри отпивает глоток вина.

Ее планировала Сара?!

Не знаю, чувствую ли предательство из-за того, что он спланировал поездку с другой, или облегчение, что эта идея принадлежала не ему. И не могу сказать, рада ли я, что проведу еще несколько дней без Истона, или раздосадована.

Часть меня ждет не дожидается показать, что он мне больше

не нужен. А другая часть, слабая, просто хочет его увидетьь.

– Эллис, расскажи маме, что будет в следующем году, – предлагает Такер. Он уже готов избавиться от секрета, что я просила его сохранить.

Миллион раз мне представлялось, как расскажу об этом Сэндри. И всегда в руке у меня было письмо, в глазах – слезы... Но прошло слишком много времени – с тех пор как я с ней говорила, с тех пор как узнала, с тех пор как хотела ей рассказать.

Сэндри смотрит на меня с любопытством.

Слова сначала возникают у меня в голове, а потом я их произношу:

– Я поступила в Калифорнийский университет.

– Ты поступила... в Калифорнийский университет в Сан-Диего? – медленно произносит она. Удивленно. А потом...

Сэндри вскакивает. Обнимает меня, крепко прижимает к себе, взвизгнув от восторга. Я стою словно каменная.

– Ты поступила! – Она отходит, радость захлестывает ее, пока не приходит осознание. Счастье у нее на лице застывает. – Я так тобой горжусь.

– Спасибо, – отвечаю я, но это звучит фальшиво. Не хочу, чтобы она гордилась и думала, будто я поступила ради нее. – Я получила гранты, финансовую помощь и стипендию. – Хочу, чтобы она знала: я сделала все сама.

– Я так тобой горжусь, – повторяет она, и на этот раз я позволяю себе прочувствовать эти слова.

– Вы с Такером в одном университете! – Бен качает головой, положив руку на плечо Сэндри. – Нас ждет тот еще кошмар, – шутит он.

– Не могу поверить, что Кортни мне не сказала, – бормочет она. – А ты... – Сэндри прокашливается. – Твой отец знает?

Я делаю глубокий вдох, но в комнате совсем не осталось кислорода.

– Нет. Я с ним не говорила.

Ее мозг пытается сосчитать, сколько времени прошло с тех пор, как я получила письмо о поступлении, и как давно, получается, состоялся мой последний разговор с отцом.

– Он будет рад за тебя, когда ты с ним увидишься. Знаю, папа по тебе скучает.

Мне хочется ей сказать, что ему не пришлось бы скучать по мне, если бы она не отправила меня в Калифорнию. Колледж просто станет очередной байкой, которую он будет рассказывать, чтобы они считали его хорошим отцом, словно он выполнил родительский долг.

– Ага, – говорю я, просто чтобы она не стала спрашивать. Мне нужен воздух.

Стеклянные двери выходят к озеру за домом, и каждый шаг по траве словно заземляет. Мои воспоминания впитываются в газон, подобно дождю, и я знаю, что они могли бы вырваться из меня тысячей лезвий, если бы захотели. Я провожу столько времени, глядя на воду, что уже не могу ска-

зять, где заканчивается она и начинаюсь я.

Мои ноги свисают с края пирса, и я не поднимаю глаз, пока не слышу шаги по доскам. Рядом со мной садится Диксон, его ботинки едва не касаются воды. Он протягивает мне фляжку, но сам смотрит вперед.

– Офицер Олбри, – усмехаюсь я, – а другие копы знают, что вы пренебрегаете законом?

– Ой, помолчи уж! Знаю, что вы постоянно пили с Истоном, так что считай это ритуалом возвращения домой.

Я отпиваю маленький глоток, алкоголь обжигает мне горло.

– Кажется, Такер счастлив.

– Он счастлив! – Это правда. Такеру подходит Калифорния. Там никто не просит его объясняться. Он может жить без ярлыков – так, как сам предпочитает. Сэндри всегда говорила своим детям, что они должны быть такими, какими хотят, даже если это что-то, не поддающееся определению.

– До сих пор не понимаю, почему Такер – единственный, на кого ты не злишься. Я... спрашивал его, даже обвинял в том, что он рассказывает тебе про нас всякие гадости. Про Истона, – кажется, ему неловко, что пришлось зайти так далеко.

Меня охватывает чувство вины за то, что я рассорила Такера с семьей.

Я отвечаю, глядя на фляжку.

– Такер обиделся?

Диксон прокашливается.

– Ага! Почувствовал себя преданным, что мы вообще до такого додумались. Вас с ним всегда связывала какая-то странная дружба.

Я снова поднимаю фляжку, словно она способна придать мне смелости, чтобы произнести вслух его имя.

– Не страннее, чем дружба между мной и Истоном.

– Нет, – он качает головой, – с Истоном вы были такими, какие есть. В этом всегда присутствовал смысл.

Мои ногти оставляют глубокие следы на деревянных досках, и я вдавливаю их еще сильнее.

– Пока не пропал.

– А, – он забирает у меня фляжку и отпивает, – так вот какой полет нас ждет.

Нас находит Такер и садится по другую сторону от меня. Впервые за долгое время я чувствую умиротворение. Оно слабое, но оно есть. Я передаю фляжку Такеру.

Он отпивает глоток и кривится.

– И сколько ему уже?

– Алкоголь не портится. – Диксон тянется через меня, чтобы отобрать спиртное у Такера.

– Вряд ли это правда, – говорит Такер и слегка откидывается, опершись на ладони.

Мы сидим в тишине. Я не хочу возвращаться в дом. Не хочу подниматься наверх. Не хочу ложиться спать.

Диксон первым нарушает молчание:

– Дилан Кимбл подал заявление на стажировку на нашем участке.

У меня вырывается стон.

– Тот самый Дилан Кимбл? – со смехом спрашивает Такер. – Он нас по-прежнему ненавидит?

Диксон фыркает.

– Меня он не ненавидит. Пришел и попросил у меня рекомендацию, явно намекая, что я должен ему услугу из-за инцидента.

– Инцидента, – смеется Такер, – он получил по заслугам.

Я влюбилась в Дилана, когда мне было четырнадцать лет. Это скорее была идея о парне, потому что мы с ним почти не разговаривали. Но он пригласил меня на вечеринку, а потом поцеловал там Райли Бейкер. Мне пришлось идти домой пешком. Одной.

У меня внутри все сжимается от чувства вины.

– Ему пришлось потратить остаток лета на перекрашивание дома.

– Мы не виноваты, что он не смыл яйца. – Диксон пожимает плечами.

Такер улыбается во весь рот.

– У них на деревьях наверняка еще где-то даже осталась туалетная бумага.

Диксон дает ему пять у меня над головой.

Теперь и я улыбаюсь, вспоминая ту жаркую летнюю ночь. Истона, вытирающего мои слезы и угрожающего убить Ди-

лана. Такера, достающего яйца и туалетную бумагу. Диксона, обычно олицетворяющего голос разума, заводящего машину со словами:

– Тебе станет легче, если ты что-нибудь бросишь.

Я и правда почувствовала себя лучше, когда каждый дюйм двора Дилана покрылся яичным желтком и двухслойной туалетной бумагой. Но не потому, что паршивцу пришлось это убирать, а потому, что мальчики хотели меня защитить. Пусть и всего лишь от туповатого придурка. Они были на моей стороне, и это было так приятно.

Такер зевает и встает.

– Скажи Дилану, что ты уже оказал ему услугу, когда не дал Истону его убить.

Диксон помогает мне встать, и мы втроем идем к дому.

Каждый шаг по лестнице кажется невероятно тяжелым. Моя дверь – напротив комнаты Истона. Она закрыта. Табличка «Не входить!», которую мы сделали вместе, больше нет, и я ничего не могу поделать с эмоциями, которые во мне вызывает этот факт: он убрал меня из своей жизни.

У меня в комнате ничего не поменялось: те же голые стены, белая мебель, коробки, сложенные в углу и в шкафу.

Я переодеваюсь в пижаму и иду в ванную, чтобы почистить зубы. Рядом со мной стоит призрак Истона, он чистит зубы и улыбается во весь рот, полный зубной пасты. Я чувствую, как он подталкивает меня бедром, чтобы подойти к раковине. Знаю, он наблюдает, как я плююсь на себя в зер-

кало.

«Ты всегда такая красивая».

Я краснею, вспоминая, как звучал его голос.

Закончив, я стою на пороге своей комнаты и смотрю на дверь Истона. В каком-то неосознанном порыве мои пальцы тянутся к ручке. Она как будто холоднее, чем должна быть, и я говорю себе: что бы ни было по ту сторону – неважно. В тишине громко раздается щелчок ручки, потом скрип двери.

Комната Истона. Постель накрыта пледом в голубую клетку. Истон его ненавидит – говорит, что он скучный.

В верхнюю часть зеркала вставлены фото друзей, братьев, но нет ни единой фотографии со мной. Как и ни единой безделушки из нашей совместной жизни. Корешков билетов в кино, глупых ожерелий, что нам давали на фестивалях. Я вижу отсутствие моих вещей в его пространстве: ни моего лосьона, ни моих путеводителей... ни меня.

Ничего, кроме карты, висящей над столом. В те места, которые мы планировали посетить, по-прежнему воткнуты яркие цветные булавки.

«Боливия? А там есть пляжи?» – «Им они не нужны. Зато у них есть блюдо, которое называется...»

Ногти впиваются в ладони – он обо мне забыл! Забыл о наших обещаниях.

По щекам катятся слезы, и, будучи не в силах со собой совладать, я забираюсь к Истону в постель. Скользнув под одеяло, я прижимаюсь лицом к его подушке и вдыхаю аро-

мат шампуня, смешанный с запахом Истона: земли, соли и цитруса. Я всхлипываю: как я по нему скучала!

Засыпаю, глядя на карту, полную нарушенных обещаний.

Тринадцать лет

О том, что дети не всегда говорят то, что думают, я узнала в школе.

В средней школе непросто всем подросткам. Но тем, у кого нет правильной одежды и правильных вещей, приходится совсем туго.

Вторую половину дня и выходные я большей частью проводила у Олбри. Никто никогда не просил меня уйти домой и не спрашивал, почему я у них ем. Но в школе все складывалось иначе.

В школе у Истона были не такие друзья, как у меня. Они выходили по утрам из красивых машин, с контейнерами с едой либо с деньгами, чтобы купить горячие ланчи в ресторанах поблизости.

Мы с Тэнни ездили на автобусе и брали бесплатные ланчи в школе. Там наше место, говорила мне Тэнни.

Обычно я сидела в столовой с ней, но как-то на уроке Сара спросила, почему за ланчем я никогда не сижу с Истоном.

Она жила в трех домах от Олбри, прямо у озера. Ее волосы всегда выглядели идеально, одежда была новой, а выражение лица – неизменно дружелюбным.

Она всегда сидела за ланчем с друзьями Истона.

– Вы же лучшие друзья, да? – спросила она меня. – Я постоянно вижу тебя у него дома.

Я медленно кивнула, хотя не была уверена, что стоит говорить об этом другим.

– Ну так, – она мне улыбнулась, – садись к нам за ланчем.

Сэндри говорила мне, что Сара могла стать моей идеальной подругой, и даже устраивала нам игровые встречи. Мы были для них уже слишком взрослыми, но, стыдно признаться, я в них нуждалась.

По глупости я согласилась с предложением Сары.

Картер Джонсон наблюдал за мной, пока я шла с подносом к их столу. Он был тем парнем, что разговаривают только с определенным типом людей. Я чувствовала на себе его взгляд, когда села рядом с Сарой. Все сидевшие за столом повернулись ко мне – к той, кому здесь не место. Стоял солнечный апрельский день, но я чувствовала, как их холодные взгляды просачиваются мне под кожу.

– Эллис сядет с нами, – весело сообщила Сара, – они с Истоном друзья.

Все повернулись к Истону, а он посмотрел мне в глаза и тут же отвел взгляд. Очевидно, этого оказалось достаточно, потому что все вернулись к еде.

Сара взяла с тарелки ломтик картошки фри и рассмеялась над чьей-то шуткой. Она собрала светлые волосы на макушке, ее обсыпанный веснушками нос выглядел мило, но не по-детски. Сара, добрая и рассудительная, была одной из тех,

кто сначала думает, а потом говорит. Я ее почти ненавидела.

У меня вспотели ладони, и я вытерла их о джинсы, пытаюсь притвориться, будто знаю, что мне делать.

Сара задавала мне вопросы, пытаясь избежать тем, что могли меня смутить, но это лишь делало еще более очевидным нашу разницу. Истон же выглядел совершенно непринужденно, вот только его вилка обводила круги вокруг еды на тарелке.

Истон никогда не задумывался, как сильно я от него отличаюсь. Ни разу! Он не осознавал, что иногда мои родители не приходили домой, потому что один из них просто не хотел этого делать, а второй сидел в тюрьме. Истон порой говорил, что нужно получать хорошие отметки, чтобы наши родители нас не убили, но моя мать вообще не знала, хожу ли я в школу.

– Уже через несколько месяцев мы будем в старшей школе, – радостно произнесла Сара, – а там ученики другие, не такие зашоренные.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступил ком. Сара явно ждала от меня слов благодарности.

– Я так жду бала выпускников.

Она посмотрела мне в глаза.

– Я тоже. У меня сестра в одиннадцатом классе. Платья, ужины, танцы. Даже в отвратительной тиаре она почему-то выглядела мило.

Я подумала о том, каково это – надеть красивое платье,

водрузить на голову отвратительную тиару и на мгновение стать принцессой. А на свидание с кем я пошла бы? Я не знала никаких мальчиков, только из семьи Олбри. Истон наверняка пригласит другую девочку – с блестящими волосами и тиарой, как у Сары.

– У меня полно платьев, которые сестра больше не носит, если вдруг ты захочешь одолжить.

Я нахмурилась, смутившись, и только потом поняла, что она решила, что я сделала такое лицо, потому что беспокоилась из-за стоимости платья.

– Спасибо.

– У нас примерно один размер.

Она оказывала мне услугу, была очень добра. И я видела, что ей приятно это делать.

– Как мило с твоей стороны.

Так и есть. А еще унижительно.

До меня донеслись слова Картера, хоть он и пытался говорить потише:

– Почему здесь вообще эта Эллис Трумэн?

Я напряглась всем телом.

– Она здесь с Сарой, – ответил Истон.

Я не смогла поднять на него глаза. Просто позволила тишине заполнить трещины полуденного воздуха, когда меня охватила боль. Он встал, и я не посмотрела ему вслед.

– Говорят, ее отец в тюрьме.

Я не поняла, кто это сказал, потому что у меня в ушах

СТОЯЛ ЗВОН.

– Вроде она живет в семье Истона и помогает по дому.

– Так она там типа прислуги?

– Нет, наверное, – ответил Картер, – а может, и да. Она больше похожа на их домашнюю зверюшку.

– Ее семья...

– Она моя подруга, – голос Сары заглушил все остальные, – я ее пригласила. Если не хотите с ней разговаривать, можете уйти.

– Вы сплетничаете, как толпа старых теток, – сказал Тэйлор – парень, которого я едва знала.

Рука Сары накрыла мою.

– Не хочешь выйти?

Да, конечно же, хотела, но не стала. Я покачала головой. Мне не хотелось никуда с ней идти. Когда я встала, меня никто не остановил.

После полудня я все еще чувствовала себя не в своей тарелке, но не хотела идти домой. Возвращение в дом Олбри не казалось мне таким унижительным, как должно было, даже если я их домашняя зверюшка. Мы с Диксоном сидели перед телевизором, а Сэндри сутилась на кухне, что-то напевая себе под нос.

А потом с громким стуком распахнулась дверь, до нас долетело окончание фразы, которую выкрикнул Такер:

– ...так глупо.

– Я не спрашивал твоего мнения, Такер! – В дом вошел

Истон и направился на кухню. Когда он повернулся, я увидела, что у него разбита губа, а на щеке наливается синяк.

– Это сделал *ты*, – сказал Такер, следуя за Истоном в разорванной рубашке.

– Я не просил тебя помогать. – Истон подошел к раковине и включил воду.

– Что случилось? – спросила Сэндри. – Вы что, подрались?

Оба молчали, потом Такер взглянул на мать с надменным видом:

– Спроси Истона!

Мгновение спустя Сэндри уже стояла перед Истоном. Подняла его подбородок и осмотрела лицо.

– Это ты сделал, Такер?

– Что? Нет. – Такер, казалось, удивился, что разговор так легко переключился на него. – Ну, во всяком случае, не губу.

Она повернула лицо Истона, и тот поморщился.

– Объяснись! Сейчас же.

– Я подрался с Картером.

– С Картером Джонсоном? – уточнила Сэндри.

Я ждала, что Истон посмотрит на меня, но его взгляд упирался в пол.

Он зашипел, когда Сэндри надавила на губу, а потом дернул головой, чтобы высвободиться из ее рук.

– Из-за чего именно? – спросила она.

Руки Истона застыли под струей воды, он пожал плечами.

Такер улыбнулся.

– Скажи ей, Истон.

Мне не понадобился хрустальный шар, чтобы предсказать, что случится дальше. Истон повернулся к брату и схватил его за рубашку, но Сэндри оказалась быстрее. Прежде чем Истон успел ударить Такера, она встала между ними.

– Истон Олбри, пользуйтесь словами. Меня достало просить тебя прекратить пользоваться руками. Ты ведешь себя, как Диксон.

– Эй, – обиженно воскликнул Диксон.

Сэндри не обратила на него никакого внимания.

Такер объяснил:

– Истон накидал Картеру на тренировке.

– По накидательному футболу? – рассмеялся Диксон.

– Он говорил... – Когда Истон посмотрел на меня, я поняла, что случилось, и у меня в животе забурлила кислота.

– Так ты ударил Картера? – снова спросила Сэндри.

– Он неуважительно говорил об Эллис, – продолжил Такер, – а потом Тэйлор Вэйн сказала, что Истон мог бы, по крайней мере, вступить за нее за ланчем, если ему не все равно, и я врезал Истону.

Сэндри закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Вступить за Эллис?

Истон прикусил нижнюю губу и опустил глаза, проведя пальцем по ссадине на руке.

– Картер вел себя за ланчем как придурок.

– Следи за языком, – отчитала его Сэндри. – Он был груб с Эллис за ланчем, поэтому ты решил побить его несколько часов спустя?

Истон отступил, чтобы оказаться вне досягаемости рук матери.

– А мне надо было побить его за ланчем?

– Ага, – подтвердил Такер, – надо было.

Истон посмотрел на меня, и я увидела в его взгляде извинения.

– Так, вы все, – начала Сэндри, – идите в свои комнаты. Все наказаны.

– Ну, мам, – взвыл Диксон, – меня там даже не было.

– А ты помолчи, – ответила Сэндри.

Истон бросил полотенце, что держал в руке, и, громко топая, вышел из кухни. Диксон рассмеялся, последовав за ним к лестнице.

Мне следовало пойти за Истоном – я всегда так делала. Но я еще не оправилась от того, что было за ланчем.

Такер подмигнул мне и кивнул, чтобы я пошла с ним. Вот выход, в котором я нуждалась. Я пошла за ним к лестнице.

– Эллис, – меня остановил голос Сэндри. Вокруг ее глаз появились морщинки тревоги. – Ты в порядке?

Мне хотелось ответить «да», но слова словно застряли в горле, и я просто кивнула.

– Ага, я так и подумала. – Она вытерла столешницу и посмотрела на меня. – Мне жаль, что Истон повел себя как

трус. Я помню, каково это, – она положила тряпку на край раковины. – У твоего отца тоже порой возникали трудности с тем, чтобы вспомнить, что мы друзья, и приятного в этом было мало.

– Разве мой отец мог вас стесняться?

Сэндри вздохнула.

– Так вот что ты думаешь? Что Истон стесняется? – она покачала головой. – Мы с твоим отцом всегда отличались не в тех направлениях. Когда ты ребенок, все это кажется крайне важным. Иногда это не имело значения, а иногда имело. Ты знаешь, что я выросла в этом доме?

Я кивнула.

– Мы проводили вместе много времени, как ты с мальчиками. Мы превратили сарай для лодок в клуб. Мы занимались всякими глупостями. Твоего отца, по сути, лишили роскоши быть ребенком. Думаю, он немного этого стыдился. Я делала вид, будто мне все равно, что он игнорирует меня, когда рядом есть другие, но мне не стоило этого делать. Он прекратил, лишь когда мы окончили школу и я уехала в колледж.

Сэндри посмотрела мне в глаза, чтобы убедиться – я ее полностью понимаю.

– Не позволяй ему так себя вести. Не притворяйся, что это нормально.

Я согласно кивнула, но по-прежнему не была уверена, что смогу. Она сжала мою руку и отпустила меня. Я по привычке

поднялась по лестнице, направляясь в комнату Истона. Но вместо этого моя рука нашла дверную ручку Такера, и я постучалась в дверь, прежде чем ее открыть.

В комнате Такера царил бардак, в отличие от комнаты Истона: раскиданные вещи, книги, тарелки с остатками еды, мусор. Источник его постоянных ссор с матерью.

Такер лежал поперек кровати и жестом пригласил меня плюхнуться рядом.

– Ты не единственная, у кого сегодня выдался хреновый день.

Я шумно вздохнула.

– А у тебя что произошло?

– Мне пришлось врезать брату за то, что он идиот, – и я не жалею, кстати говоря. Я завалил дурацкий тест по экономике. А еще на прошлой неделе я поцеловал Гретхен, и она теперь без конца просит пригласить ее на свидание.

– Тебе нравится Гретхен?

Он глубоко выдохнул, и я поняла: это неважно, но одновременно и важно.

– Прости, – пробормотала я. И мне и вправду было жаль. Я хотела быть человеком, который просто позволяет Такеру быть Такером, и самому выяснять, каким человеком он хочет быть. Он, кажется, это понял и взял меня за руку, переплетя наши пальцы.

– Ты ведь знаешь, что ты лучше всех тупых друзей Истона, правда? – спросил он. Или сказал. Я на самом деле не знала.

Я позволила пониманию, что я люблю Такера Олбри, поселиться у меня в сердце.

Это была не та любовь, от которой порхают бабочки или до предела натягиваются нервы. Я любила Такера намного глубже: между нами зародилась нерушимая дружба.

– Ты знал, что в Испании детей на ланч отправляют домой?

– Правда?

– Не знаю, но, кажется, они вполне могли бы.

Его рука сжала мою.

– Ты сейчас читаешь про Испанию?

Я перевела глаза на потолочный вентилятор. Наблюдая, как он медленно крутится, я пыталась выловить взглядом отдельное крыло.

– Сегодня ночь кино. Ты останешься? Очередь моего папы выбирать, так что это будет «Принцесса-невеста». – Такер будто чувствовал мои опасения. – Тебе стоит остаться.

Но я не могла. Странное чувство незащищенности сжалось у меня в животе, потому что мальчишки за меня вступились. Я не хотела чувствовать, что в ком-то нуждаюсь, хоть мне и приятно. Мне нужно пространство, чтобы напомнить себе: я в них не нуждаюсь.

Идя по дороге при свете луны, я думала, что должен был сказать Истон.

С каждым шагом, что отдалял меня от дома Олбри, утекало и чувство наполненности и тепла, словно его никогда и

не было. Мои ноги привели меня к дому бабушки, что находился неподалеку. Я видела свет в гостиной и знала, что, если захочу, могу войти и посидеть на диване. Бабушка не станет спрашивать, что я делала, а лишь вздохнет и предложит поесть. Не нужно отвечать на вопросы, что особенно успокаивало. Там сейчас и Тэнни, но она удивилась бы, почему я не у Олбри, а у меня нет никакого желания защищаться. И я направилась к дому, холодному и далекому. Туда, где мое место.

Дома была мама. Она стояла в ванной с тушью в руке, из колонок грохотала музыка. Мама подпевала, широко открывая накрашенный помадой рот, чтобы нанести последние штрихи тушью.

– Привет, детка, – веселым тоном произнесла она, заметив меня, и продолжила наводить красоту у зеркала. – Не знала, что ты сегодня придешь домой.

– Сегодня будний день.

Она цокнула языком.

– И откуда у меня такая ответственная дочь?

Я выпрямилась, услышав похвалу, хоть и не поверила ей.

– Я скоро вернусь. – Она поцеловала меня в макушку, почти не прикоснувшись губами, и схватила мобильный телефон. – Позвони, если я понадобится.

За мамой захлопнулась дверь. Она не спросила, как прошел мой день, о школе, друзьях, да даже о том, где я была.

Я почистила зубы, умылась и надела пижаму. Нельзя за-

крывать дверь, потому что тогда мама не попадет домой, не найдя свои ключи, если вообще вернется домой. Я выключила везде свет и прошла через весь дом. Я здесь одна.

Зайдя в свою комнату, я посмотрела на кровать, что стяла всего в нескольких футах от выключателя. Я не так уж часто хотела, чтобы рядом была моя семья, за исключением тех случаев, когда мне приходилось выключать свет.

Никто не должен выключать свет в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.